

18+

Илья Тамигин

Изобретатель

Фантастическая альтернативная история

Илья Тамигин

**Изобретатель. Фантастическая
альтернативная история**

«Издательские решения»

Тамигин И.

Изобретатель. Фантастическая альтернативная история /
И. Тамигин — «Издательские решения»,

Древний Рим. Инженер-самоучка Герон Александрийский построил
ЭОЛИПИЛ — шар с двумя патрубками, вращающийся силой пара. И...
развил его в паровую турбину! Пароходы, паромобили, паровые молоты...
А изобретенное Героном огнестрельное оружие сделало Рим супердержавой
и способствовало воцарению мира на Земном Диске на многие десятилетия,
постепенно приведшего к возникновению капитализма. Это произведение
о его приключениях, о шпионах и предателях, о древних войнах, о...
Впрочем, читайте и наслаждайтесь!

© Тамигин И.

© Издательские решения

Содержание

Илья Тамигин	6
Изобретатель	7
Посвящается моей музе — жене Наташе	7
Предварение	8
От Автора	11
Пролог номер раз	12
Пролог номер два	15
Глава первая	16
Глава вторая	24
Глава третья	29
Глава четвёртая	35
Глава пятая	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Изобретатель Фантастическая альтернативная история

Илья Тамигин

© Илья Тамигин, 2026

ISBN 978-5-0070-6856-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Илья Тамигин

Изобретатель

Эпиграф 1:

*Джеймс Уатт смотрел-смотрел,
как на чайнике прыгает крышка,
и додумался до паровой машины.
Легенда такая*

Эпиграф 2:

*Я каждый день смотрю на чайник,
И он исправно мне кипит.
Но только мыслей креативных
В моём мозгу он не родит.
Откровение Автора*

Посвящается моей музе — жене Наташе

Илья Тамигин как таковой

Предварение

Как написать научно-фантастический роман? Для этого есть несколько приёмов. Гигант мировой фантастики Жюль Верн открыл направление фантастики технической. Он описывал необычные, непредставимые и неслыханные в девятнадцатом веке изобретения — подводную лодку, многовинтовой вертолёт, пушку, способную дострельнуть до Луны ядром с живыми пассажирами. Популярность этой темы (изобретений) была среди читателей невероятная, поэтому в это русло хлынул могучий поток подражателей, не иссякающий до сих пор. К сожалению, описание изобретения ради описания изобретения часто лишено сверхидеи, оно не зовёт Читателя в светлые дали, не мобилизует на борьбу с тёмными силами, не предлагает рецептов глобального улучшения жизни людей.

Другой литературный титан — Герберт Уэллс — стал родоначальником фантастики социальной. Пытался пронзить мыслью будущее, угадать, как сложатся отношения в человеческом обществе. Во многом ему это удалось! Вплоть до стандартных гамбургеров в столовых для рабочих Лондона будущего! Читать, скажем, роман «Когда Спящий проснётся» невероятно интересно, но несколько мрачно. Я уже не говорю о его описании нашествия марсиан — это настоящий ужасник. Последователей у мистера Уэллса не так много — трудно написать глобальную и в тоже время с интересом читаемую вещь.

Кстати, он же открыл золотую жилу темы путешествий во времени. Между прочим, после него не было ни одного по настоящему глубокого произведения на эту тему, если не считать романа Дж. Финнея «Меж двух времён» и «Димитриос Ништяк» Тамигина. Даже Айзек Азимов не преуспел в своём «Конце Вечности». Все путаются в парадоксах времени. Типа: что будет, если отправиться в прошлое и убить собственного дедушку? Разумного ответа нет и не может быть. Но писать пытаются.

Конан-Дойль... Нет, не просто так, Конан-Дойль, а сэр Артур! Он соединил фантастику и приключения. Причём, фантастика у него не только техническая, но и социальная одновременно! Цикл про профессора Челленджера, серия про Атлантиду... Читается на одном дыхании, не оторваться! Но досточтимый сэр — увы! — не запустил своё воображение в будущее, не предвидел приход вдохновлённых ленинскими идеями людей, поборовших капиталистический строй и построивших новое общество, где человек человеку друг, товарищ и брат. Мы не будем ставить это ему в вину, он дитя своего класса и эпохи.

В двадцатом веке блеснул яркой вспышкой талант Александра Беляева. Романы «Человек-Амфибия» и «Ариэль» сочетают фантастику изобретений с вопросом о месте изменённого человека в обществе. Увы, в капиталистическом обществе! Там изменённому человеку достойного места не нашлось! И водоплавающий, и летающий герой оказались обречены на изгнание без всякой пользы. Ах, если б только Александр Романович догадался развернуть действие этих своих произведений в Советском Союзе! Советские учёные подхватили бы почин докторов Сальватора и Хайда и создали бы не одного, но множество летающих и дышащих жабрами людей. Полк! Да, что там — дивизию! А Партия и правительство уж нашли бы им подходящее применение в народном хозяйстве.

Ещё у Беляева горит звездой потрясающая серия про профессора Вагнера: пересадка человеческого мозга в слона! А самая его крутая фантазия — это отрезанная, но живая и разговаривающая голова профессора Доуэля!

В начале двадцатого же века родилась и начала активно развиваться космическая фантастика. Она открылась романом А. Толстого «Аэлита». Любовь марсианки и землянина, свержение реакционного олигархического режима... Замечательно романтическое и идеологически выдержанное произведение! Конечно, там много спорных моментов, но в целом роман вполне

соответствует концепции мировой революции, принятой в те годы за единственно верную. Потому что товарищ Троцкий так утверждал.

Позже космическую фантастику ваяли в основном писатели из мира чистогана — Роберт Шекли, Роберт Хайнлайн, Урсула Ле Гуин, Пол Андерсен и иже с ними. Хорошие авторы, но вековая мечта человечества — достичь звёзд — связывалась в их представлении в основном с освоением новых планет с целью наживы. Если кто-то из их героев и сталкивался с инопланетянами, то, как правило, считал это за досадную помеху, всерьёз их не принимал и культурным обменом не заморачивался. Ярким образчиком литературы тех лет является рассказ Тома Годвина «Неумолимое Уравнение», в котором пилот грузового корабля обнаруживает на борту «зайца» — молодую девушку. Возникает дилемма: или на планету будет доставлен груз, или из-за лишнего веса (девушки) он доставлен не будет. И девушка под влиянием этой неумолимой логики с душераздирающим криком добровольно выбрасывается в открытый космос, чтобы у бессердечных жадюг капиталистов сошлось сальдо-бульдо дёбета с кредитом. Грустная, короче, история. Да и чего другого ждать от людей, которые при прощании цинично желают друг другу: Goodbye*.

*удачно купить — англ.

Примерно тогда же творил и Иван Ефремов. В противовес буржуазным писателям он создаёт глобальные произведения, размазывающие западников по стенке тонким слоем и беспощадно клеймящие капитализм! «Час Быка»! Экипаж коммунистического земного звездолёта (все, как один, высокоморальные люди) случайно (!) обнаруживают планету Торманс, населённую удалыми эмигрантами с Земли много-много столетий назад! На планете пыльным цветом цветёт сорняк капитализма, нарочно не искореняемый реакционным руководством. Оно не имеет понятия не то, что о коммунизме, но даже и о простейшем социализме без человеческого лица! Увы, за многие годы безответственного капиталистического потребительского отношения ресурсы планеты истощились, и население сильно страдает от дефицита всего. Даже жизнь лимитирована: прожил двадцать пять лет — и хватит с тебя. Прилетевшие с далёкой-предалёкой Земли герои-звездонавты попытались заступиться за обездоленных бедолаг, произнося пространные лекции на тему всеобщего братства и преобразования общества и планеты в лучшую сторону. А также о том, как отвратителен процесс угнетения живых людей капиталистами. Простые местные жители слушали, раскрыв рты, и задумывались: а не устроить ли революцию? Типа: взять всё и поделить? А вот руководству планеты эта разъяснительная работа не понравилась, и оно принялось против понаехавших агитаторов неблагородно интриговать.

А подвиги! «Туманность Андромеды» посвящена теме героизма! Звездонавты случайно (!) натываются в глубине космоса на лишённую звезды планету и совершают вынужденную посадку. Потому, что анамезон (горючее такое) в баке кончился. И сразу же находят покинутый экипажем инопланетный звездолёт, летевший, может даже, миллион лет! Световых, конечно. Вот это масштаб воображения! Планета, на которой звездолёт лежит, населена недружелюбно настроенными к пришельцам монстрами, но земляне отважно их побеждают, героически бросаясь грудью на щупальца и жвалы, рискуя при этом жизнью и совершая подвиг за подвигом. Затем бесстрашно выковыривают без спроса топливо (возможно, вредное?) из межгалактического аппарата и улетают на Землю, чтобы рассказать всем учёным и не очень учёным о своём открытии.

Сильно восхищает также то, как выражаются персонажи в бытовых ситуациях. Например: «Чудовище порождено мраком!», «Мы исчерпали запас анамезона, Дар Ветер, и теперь обречены на забвение на этой чуждой разуму планете! Но мы не склонимся перед неизбежным!»

К сожалению, читать местами тяжело из-за специфического стиля изложения.

А потом началась эра братьев Аркадия и Бориса Стругацких! Мир Полдня! Вот, у кого было всё! И полёты на Венеру и Амальтею, и инопланетные цивилизации, которые граждане Союза Советских Коммунистических Республик пытаются перевоспитать из феодализма в социализм, и одинокий землянин на чужой планете, взрывающий зловерное устройство, облучающее население неправильными лучами! Мы зачитывались этими произведениями, забывая кушать и спать. До чего доходило: Автор, семнадцатилетний студент, вечером говорил бабушке: я уйду в библиотеку, приду поздно. И что вы думаете? Он и в самом деле шёл в библиотеку, а не... ну, вы поняли! В читальном зале брал подшивку журналов «Ангара», чтобы читать «Парень из преисподней» или «Улитку на Склоне» до самого закрытия!

И есть ещё «фэнтэзи», направление, в котором принимают участие фольклорные, сказочные и волшебные персонажи. Всякие эльфы, гномы, хоббиты, а также гарри поттеры и змеи-горынычи. Очень популярно в наши дни! Когда книги Дж. Толкина «Властелин Колец», «Две Башни» и «Хоббит, или Туда и Обратно» вышли в Советском Союзе в переводе на русский язык Кистяковского А. А., Рахмановой Н. Л. и Грузберга А. А., ажиотаж был жуткий! Двоюродный брат Автора даже знал одного юношу, писавшего стихи... на эльфийском языке! Во!

К сожалению, советские авторы на тему фэнтэзи не писали. Скорее всего потому, что марксизм-ленинизм не одобрял.

В общем, фантастика многогранна и многообразна. Успешно писать можно и на тему космоса, и на тему изобретений, и про негибкость человеческого духа. Но! Создавая Мир, в котором происходит действие, необходимо избегать противоречий и преувеличений. Изобретения не должны нарушать законы Ньютона и термодинамики, а также правило буравчика, инопланетяне не должны иметь нефункциональные органы (рога) и быть зелёными (это дурной вкус), открываемые героями планеты не должны состоять целиком из молибдена (было и такое!).

В нижеследующем произведении Автор попытается рассказать историю, в которой фантастики будет немного, но всякой понемногу. О, каламбур получился!

От Автора

Все описанные в данном произведении устройства, государства, города, территории, общественно-политические отношения, люди и языки, которыми они говорят, вино и самогонка, закуска, а также синий цвет есть вымысел Автора. Демиурги и инопланетяне тоже. Настоящими являются только жизнь, смерть, вера и здравый смысл. Ну, ещё любовь. Если кто-нибудь заметит сходство с кем-нибудь из персонажей, то пусть радуется, что ему повезло. Или печалится, если не повезло.

И ещё: Автор не разделяет верований, суеверий и убеждений своих персонажей, а также не одобряет некоторые их поступки и поведение.

Пролог номер раз

Учитель сел на пушистое, но плотное облако, и обвёл учеников взглядом добрых и мудрых глаз:

— Тема сегодняшней нашей лабораторной работы: создание разумных существ для планеты Земля. По образу и подобию. Приступайте.

Четверо студентов — трое парней и одна девушка — принялись за работу. Разгорелись дрова в печи и шишки в самоваре. Забулькали растворы в ретортах, кастрюлях и чугунках, заэлектронили электронные лампы в усилителях, ослабителях и утюгах (как это?), засопротивлялись сопротивления в приборах, наборах и заборах (ой, нет, в заборах никто не сопротивляется!), конденсаторы принялись старательно конденсировать конденсаты, а трансформаторы производить трансформеров. Ускорители ускоряли всё подряд, а замедлители, соответственно, замедляли что попало. По помещению метались тени и мелкие демоны. К потолку то поднимались облака пара, то взметались языки пламени, то оттуда шёл снег. Звучали заклинания вперемешку с мантрами, а когда кто-нибудь ушибал палец или обжигался, то и междометия. Звякнул колокол, означающий перерыв, но на перекур никто не пошёл, слишком интересно шёл процесс, не оторвёшься. Вот и конец пары.

— Ну, успели?

— Успели, Господин Учитель!

— Что ж, давайте посмотрим... Студент Кришна!

Смугловатый красивый парень выступил вперёд:

— Вот...

На ладони у него стояли два существа, и в самом деле похожие на него самого. Самец и самка. Вернее, мужчина и женщина. Мужчина был мускулистый, с бородой и усами. Женщина смотрелась приятно, но несколько тяжеловато из-за широких бёдер и большой груди. Они улыбались и приговаривали:

— Харе Кришна Харе Кришна Кришна Кришна Харе Харе Рама Харе Рама Рама Рама Харе Харе!

— Чевой-то они? — шёпотом спросила девушка, стоящая рядом.

— Это мантра такая, — так же шёпотом пояснил Кришна, — Для...

Он не успел закончить, ибо Учитель поднял взгляд и кивнул:

— Неплохо! Молодец, пропорции соблюл. Зачёт. Как назвал?

Кришна расплылся в улыбке:

— Кроманьонцы!

— Студент Тор!

Рыжеволосый и бородатый крепыш протянул руку. В глазах его мерцал огонёк неуверенности. На ладони у него тоже стояли мужчина и женщина, но не такие, как у Кришны: поприместнее и помускулистее, с широкой грудной клеткой и бородами у обоих. Бросались в глаза непропорционально длинные руки.

— Г-м... Не совсем эстетично, а? — поднял брови Учитель.

— Зато сильные какие! — вступился за свои творения Тор, не желая признаться в ошибке: у него слегка перекипело во время формирования скелета и мышц.

— Ладно, пусть будут. Зачёт.

Тор с облегчением выдохнул воздух.

— Как назвал?

— Неандертальцы!

Учитель повернулся к девушке:

— Показывай, Афродита.

Та с улыбкой предъявила розовую ладошку с обнявшейся парочкой. Учитель покачал головой, парни неуверенно улыбнулись. Творения Афродиты были едва ли не вдвое меньше, чем Кроманьонцы и Неандертальцы. Впрочем, очень пропорционально сложенные, хотя и не очень мускулистые. Ни мужчина, ни женщина бород и усов не имели.

— В принципе неплохо... — пробормотал Учитель, — А выживут?

— Ой, Господин Учитель! Они шустрые, ловкие. В тёплом климате отлично приспособятся! — горячо заступилась за свои создания красавица.

Кришна промолчал, что Афродита подглядывала к нему и в колбу, и в тетрадь. Ведь, в результате у неё получилось почти то же самое, что и у него, отличаясь только размером и незначительными деталями. Потому что девушка подставила другие коэффициенты.

Учитель наклонился ниже, поправил очки:

— Что-то у мужчины детородный орган... как бы великоват?

Афродита слегка смутилась и порозовела, но отважно принялась защищать свой проект:

— Во-первых, это красиво...

— Возможно... — торопливо перебил её Учитель, заметив, как ослабились молодые люди при этих словах, — Как назвала?

— Лепреконы, Господин Учитель!

— Зачёт.

— Спасибо!

Учитель отошёл к столу, налил в стакан воды из графина, отпил.

— Студент Кетсалькоатль!

— Я! — громко отозвался высокий тощий парень с красивыми цветными перьями в волосах.

— Что: «Я»?

— Присутствую!

Все захихикали, Учитель улыбнулся.

— Показывай, что наваял.

Кетсалькоатль шагнул вперёд: в каждой руке у него было по, на первый взгляд, гуманоиду.

— Интересно... Ну-ка, посади их на ладонь, а то плохо видно!

— Улететь могут, Господин Учитель. Я их летающими создал!

Тем не менее он слегка разжал кулаки и творения выползли по поясу. Блестящая серо-бурая чешуйчатая шкура, большие тёмные глаза. Длинные тонкие руки. Спина выглядит горбатой из-за могучих мускулов и сложенных крыльев. Кетсалькоатль ловко перехватил их пальцами и продемонстрировал нижние части, снабжённые хвостами. Ноги выглядели скорее худыми и покрыты широкими складками шкуры, как, впрочем, и всё остальное тело. На лице Учителя отразилось сомнение:

— Да они хоть жизнеспособные?

— Ну, а как же! Ещё какие! Яйцекладущие!

— Задание было: «сотворить по образу и подобию». А ты что слепил?

Кетсалькоатль повесил голову:

— Я... это... оно так случайно получилось.

Учитель догадался, что Кетсалькоатль на лекции по млекопитающим слушал невнимательно.

— Как, хоть, назвал-то?

— Ну... Драконы!

Взгляд парня, устремлённый на Учителя, был полон мольбы. Если отправит на пересдачу, то стипендии не видать!

Учитель, отличавшийся добротой и великодушием, вздохнул:

— Зачёт... Все свободны, всем спасибо.

Пролог номер два

Из отчёта старшего глора Юма Лича, начальника исследовательской экспедиции «Трепыхальник»:

«... в секторе 412 в Кентуре галактики «Молочная Струя» в Спирали на планете Сол III нами обнаружены многообразные формы жизни, в том числе и разумной, а также зачатки технической цивилизации (огонь, каменные орудия, колесо). Разумные существа представлены гуманоидами и не очень гуманоидами. Гуманоиды подразделяются на три вида:

а. Люди-1. Двуполые, живородящие, млекопитающие, двуногие, прямоходящие, теплокровные. Волосистой покров на голове, лице (у самцов только) и вокруг гениталий. Всеядные. Рост самцов 6.5 — 7.5 сульденов. Самки короче на 15%. Вес самцов колеблется от 160 до 190 фаргов. Самки легче на 20%. Продолжительность жизни — до 90000 — 100000 тиктаков.

б. Люди-2. Двуполые, живородящие, млекопитающие, двуногие, прямоходящие, теплокровные. Волосистой покров на голове и лице густой, на теле редкий. Всеядные. Рост самцов 4 — 5 сульденов. Самки короче. Вес от 210 до 250 фаргов. Самки легче. Пропорции тела иные, чем у Людей-1: руки достигают коленей. Продолжительность жизни — 80000 — 90000 тиктаков.

в. Люди-3. Двуполые, живородящие, млекопитающие, двуногие, прямоходящие, теплокровные. Волосистой покров отсутствует везде, кроме головы. Всеядные. Рост самцов 2.8 — 3.1 сульдена. Самки такие же. Вес от 80 до 100 фаргов. Особенность телосложения: гениталии у самцов по сравнению с таковыми у Людей-1 и Людей-2 больше на 35%. Продолжительность жизни самцов от 75000 до 80000 тиктаков. Самки живут на 10% дольше.

Анализ дезоксирибонуклеиновых кислот и щелочей показал возможность межвидового скрещивания. Однако согласно компьютерному анализу потомство не будет похоже ни на одного из родителей, а будет похоже на невразумительного человекоподобного гоминида, не обладающего разумом.

Условные гуманоиды: Рептилоиды, они же драконы. Представлены одним видом. Двуполые, яйцекладущие, двуногие, крылатые, теплокровные. Волосистой покров отсутствует. Всеядные. Рост 5 — 5.5 сульденов. Вес от 75 до 90 фаргов. Летают благодаря крыльям, достигающим в размахе 70 — 80 сульденов, и метановому депо, достигающему 4 кубосульденов, что обеспечивает подъёмную силу. Метан вырабатывается в одном из отделов желудка и при необходимости отрывается. Драконы могут в момент отрывки выделять секрет некоей железы, что приводит к воспламенению газа. Пользуются этим как оружием. Продолжительность полёта — до 600 тиктаков, дальность — до 9000 сульденов. Продолжительность жизни — до 70000 тиктаков. Яйцо откладывают одно, редко два. Самка высиживает яйца 140 — 150 дней. Способность к самостоятельному полёту у детёнышей появляется через двадцать дней после вылупливания.

В связи с вышеизложенным позволю себе предложить основать на данной планете Сол III (самоназвание — Земля) постоянную миссию для изучения физиологии населяющих её существ, предохранения их от вымирания, а также наблюдения и контроля за общественно-политическими событиями».

Глава первая

DCCCXIV* год от основания Рима. Александрия, Египет

*DCCCXIV — 61 год н. э.

Медный шар диаметром в два с половиной фута крутился на оси, испуская из двух загнутых патрубков струи пара. Под шаром располагался котёл с герметично закрытой крышкой и очаг.

— Нифига себе! — изумлённо воскликнул Фарохий Нубийский, заместитель александрийского губернатора по науке и технике, — Это чё? А как это... это?

Герон, по прозвищу Александрийский, принялся объяснять, тыкая в конструкцию заско-рузлым пальцем:

— Я назвал это устройство «Эолипил*». Из котла пар по медной трубке поступает в шар через полую ось и покидает шар через патрубки. Видишь, достопочтенный, они загнуты в разные стороны? Это и обеспечивает вращение!

*пародуйка — греч.

— И долго он так может крутиться?

— До тех пор, пока в котле есть вода, а в топке огонь! — пожал плечами Герон.

Фарохий хмыкнул и дал знак рабу, чтобы налил вина. Вторую чашу протянул Герону. Оба молча выпили.

— Ты, прямо, этот... изобретатель! — улыбнулся зам по науке.

Изобретатель скромно потупился.

— Как ты, вообще, додумался до такого?

Тот смущённо ёрзнул на скамье:

— Да это не я... Раб у меня есть... из северных троллей. Он пироман, всё время всякие штуки придумывает, с огнём связанные. Вот, например, недавно придумал, как из вина его опьяняющую сущность добывать.

— Да зачем же вино портить? — вытаращил глаза Фарохий.

Герон молча достал из сумки кожаную фляжку объёмом в пару секстариев*:

*секстарий — 547 г

— Вот, достопочтенный, отпробуй! Сильнее вина в сто раз!

Фарохий с сомнением взял сосуд, понюхал. Пахло отвратно. Подозвал раба, приказал:

— Пей!

Раб-нубиец покорно поднёс флягу ко рту, задержал дыхание и сделал несколько глотков. Лицо его из чёрного стало серым, глаза вылезли из орбит и закатились. Но не успели в клепсидре капнуть пять капель**, как на лице парня расплылась широкая пьяная улыбка.

**одна капля в клепсидре — водяных часах, соответствовала пяти секундам. Прим. Автора

— Ну, что? — нетерпеливо спросил Фарохий.

— Мгновенно вставляет, господин, — сипло отозвался субъект эксперимента и громко икнул.

— Дай сюда! Ну вот, пол фляги вылакал, дорвался...

Плеснув немного прозрачной жидкости на донышко чаши — так, на пару глотков, Фарохий выпил. Глотку обожгло огнём, дыхание пресеклось, из глаз хлынули слёзы. Но почти сразу по телу растеклось тёплое блаженство, а голова побежала куда-то в Каппадокию.

— Вот это да!!!

Герон ухмыльнулся:

— Это ещё не всё, достопочтенный. Позволь...

Он отобрал фляжку и плеснул остаток на стол. Высек искру огнивом и кресалом и... и жидкость вспыхнула голубым бездымным пламенем, плохо видимом в ярком солнечном свете! Раб с воплем ужаса отскочил. Фарохий тоже вскрикнул.

— Я назвал эту субстанцию *Spiritus Vini*, Дух Вина. Конечно, глотать её... не комфортно, но, если смешать с мёдом или ягодным соком, то очень вкусно может получиться, — гордо подбоченился Герон, довольный произведенным эффектом, — Кстати, не обязательно использовать для перегонки вино. Думаю, что тот же продукт можно будет получить из забродивших фруктов или зерна.

— Ага... Значит, предстоит большая исследовательская работа, — кивнул Фарохий, которого пробило на аппетит, — Ты, это... пришли мне пару амфор в ближайшее время... Эй, там! Пожрать что-нибудь, живо!

Раб (другой) бегом притащил финики, сыр и лепёшки. Ну, и мисочку с оливковым маслом. Закусив, зам по науке и технике приказал:

— В следующий твой приход я хочу видеть твоего раба. Приходи ко мне домой, не в контору.

Через три дня Герон, сопровождаемый коренастым рабом-троллем и ослом, навьюченным двумя средними амфорами, вступил на усаженную пальмами тенистую набережную бухты Зорб. Дома здесь принадлежали исключительно патрициям, но, по большому счёту, роскошью не поражали. В основном использовался песчаник, мрамор лишь кое-где, для облицовки. За причудливыми решётками ворот колонны атриумов. В жарком климате это было оправдано. Вилла Фарохия с точки зрения эстетики была никакая: глухая стена в шесть локтей, утыканная наконечниками пик, над которой возвышается надвратная башня. Ворота тоже глухие, из толстых кедровых досок. Дома снаружи не видно вообще.

На стук молотка открылось смотровое окошко, и раб-привратник впустил посетителя. Герон остолбенел: во дворе рассыпал сверкающие бриллиантами струи воды фонтан, украшенный какими-то мифическими и аллегорическими мраморными фигурами!

«Нифига себе! Вот это роскошь, так роскошь! Хорошо, хоть вода у нас бесплатная! Только налог на водопровод платим».

Додумать восхищенную мысль Герон не успел: его приветствовал появившийся Фарохий. Обменявшись с гостем салютом, он приказал отнести амфоры в кабинет, а осла отвести в конюшню, после чего принялся рассматривать раба, потому что раньше северных троллей не видел. Тот был небольшого роста, всего четыре с половиной фута, но очень мускулистый, с бочкообразной грудью и круглым крепким животом. Очень сильный на вид. Голова большая. Лицо скорее уродливое: низкий лоб, большой мясистый нос, скошенный подбородок, массивная челюсть. Глубоко посаженные маленькие серые глаза под массивными надбровными дугами. Лопухий. Длинные, до колен, руки с толстыми пальцами. Кривоватые мощные ноги. На лице короткая рыжеватая борода и усы, тело покрыто редкими бурыми волосами. Гениталии скрыты набедренной повязкой. Возраст неопределим.

— Как его имя? — повернулся Фарохий к Герону.

— Кнорп. Он сам так называет себя, а я не счёл нужным менять.

Кнорп осклабился.

— Ты говоришь по-нашему? — ткнул в него пальцем римлянин.

— Говорю и понимаю, господин.

Слова тролль произносил вполне отчётливо, но со странным горловым акцентом.

— Давно ли ты в Египте?

Вопрошаемый переступил с ноги на ногу, посчитал что-то на пальцах.

— Меня взяли в плен девять зим назад... Три зимы я жил в Риме. Господин купил меня там шесть зим назад.

— Что ты делал в Риме? Кто был твоим хозяином? — заинтересовался Фарохий.

— Я... это... в лудусе Овидия Секста. Ну, гладиатором, — проямлил Кнорп стеснительно опустив глаза.

— О! Сколько же раз ты сражался на арене?

— Девятнадцать раз, господин. А потом меня ранили... и господин купил меня для опытов. А я взял и выжил.

Гладиаторы из троллей получались самые лучшие, способные сражаться даже со львами.

Справка: северные тролли населяли Гиперборею и север Европы. Государств у них не было, только разрозненные города и деревни, со своим вождём в каждом. Они очень ценились за силу и боевые качества. Однако, захватить их в плен экспедициям за рабами было очень непросто: все тролли (и женщины тоже) были отменными воинами, способными перерубить топором человека надвое или оторвать голову голыми руками. Двигались они, несмотря на свою массивность, очень быстро, ловко и неумолимо. Это из-за того, что перед боем они пили настойку из мухоморов. А ещё они владели искусством метать громы, поражающие насмерть. Тайну эту римляне постичь не могли, как не пытались.

Герон кивнул, подтверждая сказанное. Фарохий улыбнулся.

— Твой господин поведал мне, что ты любишь баловаться с огнём. Я попробовал Spiritus Vini, и мне понравилось. Что ещё интересного родилось в твоей голове?

— Есть кое-какие мысли... Но мне нужно время на эти проекты.

Фарохий вспомнил недавний разговор с Верховным Стратегом Египта Вернарием Ниспатором. Тот интересовался боевым громом троллей и сулил любую награду за этот секрет.

«Вот о чём спросить надо!»

— А знаешь ли ты секрет смертоносного грома, который мечут твои соплеменники?

Кнорп насупился, но кивнул:

— Знаю.

Фарохий вкрадчиво предложил:

— Если ты посветишь меня в эту тайну, то можешь просить всё, что хочешь! Деньги, свободу...

— Эй-эй! — встревоженно воскликнул Герон, — Какая ещё свобода? Он мне нужен!

— Ага, свобода мне не нужна, — подтвердил Кнорп, глубоко засовывая палец в ноздрю, — Куда я пойду? Чем заниматься буду? Деньги... Всё, что мне нужно мне даёт хозяин.

— Г-м... — смешался Фарохий, — А что ты делаешь сейчас?

— Не видишь разве, господин? В носу ковыряю!

— Нет, я имел в виду: у хозяина чем ты занят?

Кнорп ответил не сразу: он рассматривал извлечённую из недр организма добычу. Затем веско сказал:

— Я думаю! А потом рассказываю хозяину свои думы. Вот, эолипил придумал, перегонный куб... На этом можно неплохие деньги заработать! Ну, и в мастерской помогаю.

— Эолипил... Это просто игрушка, — отмахнулся зам по науке и технике.

— Ну, не скажи, не скажи! Если его додумать, то можно будет на корабль такой двигатель поставить, чтобы вёслами шевелил вместо гребцов!

Герон встрепнулся: мысль была интересная!

У Фарохия тоже возникла мысль:

«А что, если...? Вино есть первый помощник Венеры! И не только Венеры, Гермеса тоже, он ведь покровительствует людям в переговорах! Да с винишком не только бабу, а и этого тролля уговорить легче будет!»

И деловито спросил:

— Вино пьёшь?

— Ой, кто ж его не пьёт-то?

По знаку хозяина раб принёс амфору критского. Все трое выпили по чаше. Потом ещё по одной. Кнорпу коварно наливали неразбавленного, поэтому его ощутимо повело. Герона тоже повело, хотя и не так сильно. Всё же он был уже не молод, тридцать лет стукнуло на праздник Нептуна.

— Так что бы ты хотел получить за секрет боевого грома? — вновь приступил к интриге Фарохий, сдерживая отрыжку.

Северянин вздохнул и вытер рот ладонью:

— Всё у меня есть: добрый хозяин, крыша над головой, еда, вино, мысли... а, вот, бабы нет!

— Говно вопрос! — просиял Фарохий, — Эй, там! С кухни какую-нибудь рабыню сюда, живо!

Кнорп покачал головой:

— Мне нужна женщина... девушка моего племени, господин. Чтобы семья, дети.

— И тогда ты научишь меня делать громовое зелье?!

— Может быть...

На этом разговор закончился, и Герон с Кнорпом ушли восвояси. А Фарохий дал задание своему мажордому Септимусу поискать на всех невольничьих рынках северных девушек-трол-лих.

— Да смотри, чтоб нетронутые были! Лично проверяй! То-есть, я хотел сказать...

— Я понял тебя, господин! Нужны девственницы — будут девственницы.

— Ага! Лучше две, чем одна. Ну, чтоб выбор был.

И работа закипела. Септимус лично облазил все рынки Александрии. В другие города Египта отправил двух сыновей — Максима и Тодора, а также племянника Хтония. Через неделю Септимус скорбно доложил:

— Во всей Александрии ни одной не нашлось, господин. Подождём, что мои парни нако-пают.

Фарохий пространно выругался, присоединив к нехорошим словам ещё и богохульство в адрес Юпитера.

«Не надо бы, так-то! Юпитер, он злопамятный!» — осуждающе подумал Септимус, но вслух промолчал.

Ещё через десять дней вернулись сыновья и племянник. Тоже с пустыми руками. Фаро-хий загрустил.

«Может, в Иерушалаиме найдутся?»

Римская провинция Иудея в экономическом смысле уступала Египту, но... Почему бы не попытаться?

— Септимус! Пошли-ка ты сыновей в Иерушалаим!

— Слушаюсь, господин!

И Максим с Тодором поехали в Иудею. На верблюдах, с посторонним караваном. В Иеру-шалаим они прибыли ночью, сильно уставшие. За пару ассариев какой-то мальчишка прово-дил их на постоялый двор, где парни сильно удивили хозяина, потребовав отдельную комнату. Цена за такое удобство оказалась втрое выше, чем за ночлег в общем зале, но зато снижалась вероятность быть обворованными. А деньги они с собой везли немалые! Поэтому задвинули засов и завалились спать, даже не поужинав.

Утром Иерушалаим поразил их уличным шумом и общей безалаберностью. Шум начался с водоносов, начавших оглушительно вопить свои рекламные призывы с рассвета. Это поме-шало выспаться. Вода! Оказывается, её нужно было покупать, ибо публичных колодцев и источников в городе не было. Сильно не понравились цены в харчевне — они были раза в полтора выше, чем в Александрии. Не понравился также местный обычай не мыть посуду, а давать вылизывать собакам. После завтрака заранее мрачные братья поинтересовались у хозя-

ина-армянина, как быстрее и удобнее посетить местные базары. Они уже знали, что отдельных невольничьих рынков, как в нормальных городах, здесь нет. Рабами торгуют на любом базаре, и сегодня необязательно на том же, где вчера.

— Да всего за пять ассариев мой парнишка вас везде проводит! — всплеснул пухлыми руками армянин, — Уважаемым гостям столицы не о чем беспокоиться!

Понизив голос, он вкрадчиво поинтересовался:

— Если не секрет: что вы хотите купить? Я знаю людей, могущих продать вам всё, что угодно!

Тут он понизил голос до шепота:

— Даже и запретные вещи!

— Не секрет, — улыбнулся Максим, — Нам нужны невольницы-девственницы.

«Понятно! Лупанарий открыть хотят!» — сообразил проныра-хозяин, — «Но почему покупать в Иерушалаиме? Неужели в Египте девственниц нету?»

— Понимаю, понимаю! Вам нужна экзотика! Белые девы Гипербореи, чёрные девы Нубии... У нас вы найдёте даже жёлтых раскосых дев из Срединной Империи!

— Ага, экзотика. Девы-троллихи из Гипербореи.

На лице армянина отразилось такое отвращение, что братья испугались, что его сейчас вырвет.

— Фу-у! Они же волосатые!

Как будто сам не был волосат, как обезьяна!

И он, прервав сию вежливую беседу, кликнул сына — десятилетнего парнишку.

— Арам! Отведёшь этих достопочтенных господ куда ни прикажут.

— Слушаюсь, отец!

Братья внимательно пригляделись к мальчишке: хорошо упитан, туника чистая, взглядмышлёный.

— Ты знаешь, где сегодня торгуют рабами? — скучливо спросил Тодор, — Не хотелось бы топтать пыль зря.

— Знаю, господин! — бодро пискнул Арам.

— Тогда, води нас!

И они пошли по кривым, узким и грязным улицам и переулкам. Ничего похожего на Александрию с её широкими улицами и набережными! Идти пришлось не очень долго, три четверти часа. Вот и базар Сумбунир. Шум, производимый торговцами, расхваливающими свои товары, зазывалами, а также обворованными горожанами и подвергаемыми порке ворами, был оглушающий. Но это было привычно: на всех базарах так. Ассортимент экзотических товаров был широк: бойцовые пауки в глиняных горшках, золотые рыбки, попугаи, ругающиеся и молящиеся на дюжине языков, статуэтки всех возможных богов и демонов. Имелся даже пурпур, запрещённый к продаже в Египте! Трижды наших египтян пытались обворовать, но они были начеку: два раза Максим рубанул по шkodливым рукам кинжалом, а Тодор треснул третьего по лбу тяжёлым посохом. Кстати, на поясах у них висели кошель с медью на мелкие расходы, а серебро было надёжно спрятано в полых посохах.

После почти часа блужданий братья, наконец, добрались до помоста с невольниками. Десятка два рабов и рабынь не самого лучшего качества и вида понуро стояли под утренним, но уже палящим солнцем. Тролль был только один.

— Самец, — разочарованно буркнул Тодор.

Максим подошёл к жирному и волосатому телом продавцу-сирийцу:

— Послушай, уважаемый! Нам нужны девки-троллихи. Не подскажешь ли, где их можно найти?

Сириец плохо понимал латынь, пришлось повторить вопрос по-гречески.

— А! Бородатые девки! У меня были такие пять дней назад... Один совсем маленький, а в другую можно засовывать. Мой брат завтра торговать на Бикрате. Может, у него найдётся?

Он схватил Максима за рукав:

— Если девка нужен срочно, купи вот этот! Я дёшево отдавать, всего два динарий! Молодой девка, здоровый! Всё уже умеет!

Щуплая, покрытая коростой хроменькая рабыня обречённо шагнула вперёд. Максим при виде неё отшатнулся:

— Постой, чудак! Она же грязная! И глаз косит, и ноги разные!

— Ну, и что? Отмоешь! Зато дёшево! — горячился работорговец.

— Нет, спасибо, не надо!

Послonyaвшись по базару ещё немного, пошли в харчевню. Там было грязно и чадно, но зато прохладно: крыша отсекала солнечные лучи. Сели в уголке, чтобы минимизировать риск возможной покражи. Поколебавшись, заказали незнакомый фалафель — самое дешёвое блюдо. Оказалось вкусно! Араму купили большую лепешку и арбуз. Местное вино не понравилось: кислое и невызревшее.

— Как бы от такой бурды пузо не забурчало! — озабоченно заметил Максим.

Но обошлось, не опоносились.

Время было едва за полдень, но тащиться на другой базар не хотелось. Было лениво и скучно.

— Эй, Арам! Что сегодня в цирке, не знаешь? — окликнул проводника Тодор.

Мальчик надул щёки для значительности:

— Знаю, господин! И на утреннем, и на дневном сеансе сегодня львы будут рвать христиан. Двадцать штук.

— Во, интересно... А что за христиане такие?

В Александрии про них не слыхали.

— Сектанты какие-то. Поклоняются распятому на кресте, а потом воскресшему арамею. Говорят также, что он ещё и сын божий.

— О! А какого бога он сын? — заинтересовался Максим.

— Не знаю, господин.

— Ладно, давай сходим, посмотрим.

И Арам отвёл их в цирк. Как раз успели к началу дневного сеанса. Парнишка был счастлив: посмотреть на львов за бесплатно! Отец его в цирк ни разу не водил, отговариваясь, что дорого.

Братья заплатили за вход по два сестерция, а за ребёнка один, и уселись на каменных скамьях. Ещё за десять ассариев Арам взял им напрокат кожаные подушки, набитые конским волосом. Сам же устроился на своём тощем заду просто так, ибо пять ассариев сэкономил.

Вот на арену вышли герольды и объявили начало представления. Из ворот вышло двое приговорённых. Толпа разочарованно загудела: оба христианина были немолодые и щуплые. Мечи они держали как серпы или молотки. Не бойцы, в общем. Коротко переговорив друг с другом, они встали на колени и принялись молиться.

— Да, эти долго не продержатся, — разочарованно заключил Тодор.

Выпустили льва. Видно было, что зверюга тоже не первой молодости. Чтобы резвее шевелился, его слегка подкололи копьями. Лев поозирался, увидел добычу. Медленно пошёл, сокращая расстояние. Дядьки встали и выставили мечи вперёд. Толпа захохотала. Приблизившись на десять шагов, лев прыгнул и повалил правого. Другой приговорённый неуклюже ударил его по спине мечом. Даже шкуру не поцарапал! Лев помусолил свою жертву пару минут... и отошёл, облизываясь. Человек поднялся на подгибающихся ногах. Крови на нём не было.

— Надувательство какое-то! — стукнул кулаком по скамье Максим и выругался.

— Ага, за что деньги плачены? — поддержал его Тодор и тоже выругался.

Арам старательно запомнил иноземные выражения, чтобы при случае блеснуть в школе.

К величайшему разочарованию толпы вообще и братьев в частности, четыре последовавших двойки также избежали не то, что смерти, но и повреждений, хотя львы каждый раз выпускались разные. Приговорённых увели под гневные вопли беснующейся толпы. Вслед христианам летели огрызки плодов, камни и даже какашки.

— Какой-то урод львов накануне накормил! Вот они и не стали этих дохляков рвать, — грустно резюмировал Максим и Тодор с ним согласился.

Впору было потребовать деньги обратно!

На следующее утро пошли на Бикрат. Он оказался вдвое дальше, чем вчерашний Сумбунир. Помост с продажными рабами обнаружили довольно быстро, недалеко от входа. Торговал живым товаром тоже сириец, очень похожий на вчерашнего — ну, понятно: брат!

Глаза эмиссаров Фарохия сразу выхватили коренастую бородатую девушку во втором ряду.

— Эй, друг! Покажи-ка нам вон ту, с бородкой!

Сириец засуетился:

— Сию минуту, почтенные! Сию минуту!

Он вскочил на помост и, сорвав с девушки линялую тряпку, за руку подвёл её к краю. Та подчинялась с равнодушной покорностью.

Максим и Тодор внимательно осмотрели и ощупали её. Тело упругое. На вид лет пятнадцать-шестнадцать... Впрочем, у троллей возраст определить трудно. Зубы ровные, здоровые. Волосы густые, рыжеватые. Широкие бёдра, крупные руки и ступни. Грудь маленькая. Шея короткая. Волосы на теле редкие, даже реже, чем у хозяина. Не красавица, короче. Но сильная!

— Ты говоришь по-нашему?

Девушка помотала головой.

— Что вы хотите узнать, уважаемые? — присунулся хозяин.

— Мы интересуемся, познала ли она уже мужа. Нам нужна девственница.

Сириец повернулся к рабыне и задал этот вопрос на языке жестов, в смысле, просунул правый указательный палец в колечко из пальцев левой руки. Та улыбнулась и жестом же показала: нет.

— Отлично! — воскликнул Максим, — Я её покупаю!

И поспешно добавил:

— Если, конечно, договоримся о цене.

— Договоримся, отчего же не договориться! — всплеснул руками сириец, — За эту редкостную экзотическую северную жемчужину, достойную украсить собой ложе самого султана и даже, не побоюсь сказать, императора, да продлятся его дни вечно, я прошу всего лишь триста динариев!

Цена была заоблачная. За эти деньги можно было купить семьдесят быков, или две сотни неквалифицированных рабов, или пятьдесят молоденьких танцовщиц. Максим рассмеялся:

— Солнце накалило твою голову, уважаемый! Ты сказал это сгоряча! Давай сядем в тени, прикажем принести вина и поговорим серьёзно.

— А, давай!

Торговались до самого закрытия базара. Тодор не вмешивался, не пил, гулял вокруг. Только когда стража прошла с барабанным боем, возвещая конец торговли, высокие договаривающиеся стороны, выпившие к тому времени три амфоры галилейского красенького, достигли консенсуса: тридцать три динария за безымянную девку-троллиху. Максим втайне сокрушался, что не смог дожать сирийца до тридцати. Сириец же радовался, что выжал из египтянина на восемь монет больше, чем рассчитывал.

— Да, кстати, как твоё имя? — заплетаящимся языком поинтересовался Максим, прощаясь.

— Марбал!

— Слушай, уважаемый Марбал: мне нужна ещё одна такая же. Сможешь помочь?

— Ай, зачем сразу не сказал, уважаемый Максим? Есть такая же! Я сегодня её не продавал, у неё эти... критические дни. Приходи завтра — будет! Тоже молодая, красивая!

— Я п-приду! — пообещал Максим, наваливаясь на плечо трезвого брата.

И они отправились на свой постоянный двор. Деваха переночевала на голом полу и претензий не предъявила. Утром старший брат с трудом смог поднять голову: одолевало похмелье после скверного поила. Молвил Тодору Максим:

— Ну-ка, сбегай в магазин!

Брат со вздохом сходил в лавку и принёс жбан пива. Поправив здоровье, Максим вновь пошёл на Бикрат, а Тодор остался с покупкой. На базаре Марбал радостно предъявил троллиху — чуть старше предыдущей, но тоже здоровенькую и крепенькую. Сексуальный опыт она отрицала. Торговались всего несколько часов, до обеда. Заодно и опохмелились. Товар достался Максиму за тридцать пять динариев. Очень хорошо! Марбал тоже остался доволен.

Глава вторая

Тем временем Герон ломал голову над проблемой: как двигать вёслами с помощью эолипила. На триреме уйма вёсел! А на квинквиреме ещё больше! Не ставить же эолипил на каждое? Решение подсказал Кнорп:

— А что, если от вёсел вообще отказаться, господин?

— Что ты мелешь?! Как же без них? — выпучил глаза Герон.

— Я, вот, подумал: надо укрепить по бокам корабля два колеса с лопастями. А эолипил посередине примастрячить.

Идея была совершенно революционная! Через неделю была построена модель, предьявленная Фарохию.

— Ну, и на хрена такой корабль нужен? — скептически скосоротился тот, — У нас гребцов девать некуда...

Герон с жаром бросился на защиту своего проекта:

— Достопочтенный! Во-первых, такой корабль, не зависящий от ветра, не будет также страдать от усталости гребцов. Ведь они могут выдерживать боевой режим совсем недолго — час... или чуть больше. Во-вторых, у него будет гораздо лучшая маневренность. В-третьих, на борт можно будет брать большее количество воинов! Ну, и вообще!

Фарохий задумался. Действительно, корабль не зависящий от ветра и дураков-гребцов! Вспомнилось, что одним из приёмов морского боя было проехать вдоль вражеского борта, тем самым переломав вёсла. И корабль становился беспомощным!

— Я поговорю с нашими флотоводцами... Изложи свои аргументы письменно, ну, и калькуляцию расходов приложи.

И уже через неделю он отправился на приём к Вернарию Ниспатору, стратегу и военному. Два раба катили на тачке модель. Ну, для наглядности. Фарохий нёс свиток, исписанный рабом-сорописцем под диктовку Герона.

Военком был не очень стар, ему недавно исполнилось сорок два года, а потому ум имел живой и цепкий, а глаз острый. После взаимных салютов они сели на скамьи в тени раскидистой сикоморы. Рабыня принесла вино.

— Что привело тебя ко мне, уважаемый Фарохий? — поинтересовался Вернарий, отхлебнув глоток.

— Достопочтенный Вернарий! Мне, как заму губернатора по науке и технике, принесли вот эту модель корабля, не нуждающегося в гребцах и не зависящего от ветра.

По его знаку рабы вкатили тачку.

— Интересно... — пробормотал главный военачальник, приглядываясь.

— Очень интересно, достопочтенный! Во-первых, скорость. Этот корабль будет мчаться по волнам со скоростью восемь, а то и десять узлов, причём, хоть весь день напролёт! Во-вторых, маневренность: он сможет двигаться и вперёд, и назад, и разворачиваться на месте! В-третьих, он сможет брать на борт гораздо больше воинов, чем самая большая квинквирема. В-четвёртых, на нём можно будет легко установить огнемёты, катапульты и баллисты! Ну, и вообще! Нашему флоту не будет равных на всём Земном Диске!

Вернарий Ниспатор выслушал всё это внимательно и кивнул:

— Ты прав, гражданин Нубийский. Но! Сколько будет стоить такая боевая машина?

Фарохий протянул ему свиток:

— Вот, изволь, достопочтенный! Здесь техническая документация и калькуляция расходов. Приблизительная, конечно.

Стратег бегло просмотрел свиток. В конце, в графе «Итого» было начертано: MCML* динариев.

*МСМЛ — 1950

— Однако! — воскликнул он в ажитации, — Постройка квинквиремы самой последней модификации обходится казне всего в триста динариев!

— Но это же совершенно новое слово в военно-морском деле! — горячо возразил Фарохий, — Конечно, дорого. Но, как говорят наши соседи-евреи: «Дорого, да мило. Дёшево, да гнило». Между прочим, сюда не включена стоимость самой идеи. В смысле, надо же будет отблагодарить изобретателя.

Он умолчал о своём желании взять подряд на постройку корабля.

— Кстати, а кто изобретатель?

— Герон Александрийский.

— О, этот! Ладно, можешь строить. Я распоряжусь о деньгах.

И работа закипела. Герону пришлось решать множество инженерных задач: во-первых, сам эолипил развился в паровую турбину. Во-вторых, пришлось придумывать, как вращать колёса — вместе, поодиночке и в обратную сторону. В-третьих — редуктор, чтобы варьировать скорость. Ну, и по мелочи: предохранительный клапан, чтоб не взорвался котёл, указатель давления пара (манометр) и прочее, и прочее, и прочее. Короче, мозгами пришлось поскрипеть изрядно. Мощность двигателя получилась в итоге примерно шестьдесят пять лошадиных сил, если выражаться в современных терминах.

Сильно помогал Кнорп. Считать он не умел, но время от времени рождал очень ценные идеи. Почему же нет, если жизнь прекрасна? Обе привезённые из Иерусалима девушки понравились ему с первого взгляда, и он выбирать не стал, а женился на обоих в тот же вечер. Жёны наполнили его жизнь красотой, комфортом и радостями семейной жизни. Муж назвал их Кримпа и Стримпа, что означало, соответственно, Удача и Счастье. Троллихи подружились, с увлечением изучали латынь и греческий, а также кулинарию и кондитерское дело — Герон определил их работать на кухне. А на следующий день после свадьбы Кнорп продиктовал Фарохию, оплатившему невест, рецепт боевого грома:

— Берёшь селитру, серу и древесный уголь вот по столько вот. Растираешь всё в мелкий порошок, смешиваешь, сбрызгиваешь мочой. Образуются такие мелкие зёрнышки, вроде маковых. Затем насыпаешь в небольшой горшок, замазываешь крышку смолой, только маленькую дырочку оставляешь. Вставляешь туда фитиль — верёвочку, пропитанную этим же зельем. Поджигаешь фитиль и швыряешь! Мы делали короткие фитили, чтобы догорали за четыре удара сердца. Тогда взрыв происходит в полёте. Не забудь швырять из укрытия, чтоб самому не пострадать!

Фарохий лично сделал всё по рецептуре, но метать снаряд заставил раба. Сам же укрылся в блиндаже на всякий случай. Раб метнул бомбу в море и упал на землю. Уцелел!

Фарохий, чрезвычайно довольный испытаниями, поспешил к Вернарию.

— Ох, и здорово грохнуло! — хвастался он, — До сих пор в ушах звенит!

Главный стратег удовлетворённо потёр руки:

— Ну, вот, боги вложили в руки Рима новое оружие! Ты и будешь отвечать за его производство!

Фарохий слегка растерялся, но потом сообразил, что пороха потребуется очень много, а он будет единоличным владельцем мастерской, в смысле, пороховой мельницы. Военный заказ! Глаза едва не ослепли от пригрезившихся груд золота. И на окраине города в специально оборудованном помещении он развернул производство пороха уже через четыре дня. Три десятка рабов под охраной декурии стражников с бронзовым оружием (железо было строго запрещено, дабы исключить возможность случайной искры) трудолюбиво вертели жернова. Готовую продукцию ссыпали в тридцатифунтовые бочонки и заливали крышки смолой. Фарохий купался в деньгах!

А процесс изобретения и постройки нового слова в технике мореплавания занял не день и не два! Полностью проект был готов через полгода. В смысле, судно было готово к испытаниям через полгода.

Корабль был сто шестьдесят локтей в длину, а шириной двадцать, и кают по тогдашней моде не имел. Палуба и трюм — вот и все удобства. Впрочем, небольшая кабина прикрывала двигатель и котёл, из которого торчала двадцатифутовая труба. Матча с парусом (решили всё-таки оставить на всякий случай) была смещена кпереди. Весь трюм был забит дровами.

Приёмная комиссия в лице Фарохия, Вернария и самого губернатора Стратона Италийского взойшла по сходням на борт, где её приветствовал экипаж: кормщик-испытатель Солюбрий, изобретатель, он же главмех, Герон, два матроса, Кнорп и четыре раба-кочегара.

Герон гордо обвёл судно рукой:

— Вот, уважаемые, представляю вам сей *Navis Vaporaria**!

*пароход — латынь

Вернарий озабоченно нахмурился:

— Надо дать кораблю имя!

Фарохий торопливо предложил:

— Давайте назовём его «Император Нерон»!

Стратон одобрительно осклабился:

— Принято!

И название было тут же нацарапано гвоздём на борту.

— Командуй, кормщик, — приказал Вернарий.

Последовала зычная команда:

— Отдать носовой! Отдать кормовой! Малый вперёд!

И «Император Нерон» закачался на мелких волнах. Котёл уже был раскочегарен, давление пара достигло нужного уровня, и Герон с замиранием сердца двинул рукоять. Колёса, каждое диаметром в двадцать локтей, провернулись... провернулись... и корабль двинулся вперёд! Он набирал скорость гораздо быстрее, чем лёгкая трирема, хотя и был раза в три тяжелее и массивнее. Один матрос вместе с кормщиком ворочал кормовым веслом. Другой матрос следил за лагом.

— Шесть узлов... восемь узлов... десять узлов!

Все присутствующие впечатлились: это была скорость, развиваемая квинквиремой в бою!

Матрос тем временем продолжал выкрикивать:

— Одиннадцать узлов!

И немного погодя:

— Четырнадцать!!!

Труба дымила немилосердно, из неё, как из жерла Везувия, снопами вылетали искры. Две искры прожгли плащ губернатора, но он не обиделся. Герон следил за давлением в котле. Вот стрелка подошла вплотную к красной черте... Он дёрнул рукоять предохранительного клапана, и над морской гладью раздался хриплый вой, от которого у членов приёмной комиссии похолодели ноги и едва не остановились сердца.

Кормщик Солюбрий тем временем приказал совершить разворот на месте. Корабль затормозил, правое колесо закрутилось назад, левое вперёд... Развернулись! На вёсельном судне такое не удалось бы нипочём!

— Полный назад!

И корабль помчался кормой вперёд.

Катались до самого вечера, сожгли чуть не половину дров.

«Надо бы каменным углем топить, так экономнее и эффективнее, от него огонь жарче!» — озабоченно прикинул Герон, — «А где у нас уголь? Во Фракии! Надо будет купить там

землю, накопать шахт! Ведь не только пароходы: паровые молоты, паровые пилы, паровые мельницы построю! Да мало ли!»

Он аж зажмурился от сияющих перспектив обогащения.

Испытатели от свежего морского воздуха сильно проголодались, и Стратон приказал возвращаться. Рабы-кочегары украдкой вздохнули с облегчением: они сильно утомились кидать дрова в топку и шуровать их кочерёжками, чтобы лучше горели. Наконец пароход причалил к пристани, где собралась целая толпа рукоплещущих зрителей.

— Ну, Герон, ну, ты молодец! Благодарность тебе от меня! — обнял изобретателя губернатор.

Тот застенчиво ковырял носком сандалии доски пристани, скрывая ликование. Стратег похлопал Герона по плечу, Фарохий подмигнул. Все четверо сели в повозку и поехали в резиденцию губернатора, стоящую на холме в окружении пышного парка. В парке и был устроен пир: на лужайке под сплетёнными ветвями сикомор были установлены столы и лежа, в сторонке разместился инструментальный ансамбль, наигрывавший современные мелодии и ритмы. Рабы нескончаемой вереницей таскали сначала холодные закуски — колбасу, холодец, солёные огурцы. Затем горячие блюда: жареных кур, котлеты, макароны.

— Испытания прошли успешно, — подвёл итог Стратон после того, как все освежились добрым цекубским вином и закусили, — Я напишу в Рим самый лучший отзыв! Уверен, что наши флотоводцы закажут ещё несколько.

Все заговорили о перспективах, открывающихся перед Римом, о том, как вражеские флоты сгинут в пучине. Герон же уже думал об усовершенствованиях:

«Надо будет максимально облегчить конструкцию! Тогда и скорость увеличится, и маневренность, и грузоподъёмность... Скажем, плиты не деревянные, а из бронзовых пластин? Нет, лучше из железных! И, вообще, колёса: из железа! Из оцинкованного железа, чтобы не ржавело! Надо с Кнорпом посоветоваться...»

Ещё ему пришло в голову избавиться от громоздкого рулевого весла.

«Я поставлю вместо него колесо с рукоятками, которое при помощи канатов будет поворачивать вертикальную пластину — руль! Маневренность ещё больше увеличится, радиус поворота уменьшится!»

Он принялся набрасывать схему рулевого управления на песке, но быстро запутался, ибо уже был пьян.

Фарохий же, отойдя в сторонку отлить, обнаружил, что мочится на куст совершенно незнакомого растения. На ветках висели красно-оранжевые плоды величиной в кулак. Запах от них шёл приятный!

«Что за...? Надо спросить!»

Вернувшись к столу, он выждал момент, когда Стратон не был занят разговором, и поинтересовался:

— А что это за невиданный кустик у тебя вон там, слева, почтенный Стратон?

Губернатор широко улыбнулся:

— А, этот! Это мне в прошлом году привезли с западного берега Иберии. Выбросило несколько кустов волнами на берег, а мой зять Вариний через ту деревню как раз проезжал. Он там в администрации служит. Ну, и заинтересовался! Приказал в горшки посадить и мне отправил, потому что я всякими растениями интересуюсь. Два куста вот, прижились, и даже плоды выросли.

— И ты их рискнул попробовать? — с сомнением спросил Фарохий.

— Нет пока. Только-только созрели... Но мы их сейчас... Эй, вы, трое! Оба бегом ко мне!

Подбежал раб-фракиец. Стратон долго смотрел на него расфокусированным взглядом, затем буркнул:

— Ты чего?

— Ты звал меня, господин.

— А, да! Сорви пару плодов вон с того куста.

Раб принёс плоды. Стратон внимательно осмотрел их и понюхал. Затем приказал:

— Ешь!

Раб побледнел:

— Господин! Можно, я съем маленький кусочек? Тогда, если что, я смогу выжить, и ты избежишь ущерба своему имуществу!

— Ладно. Кусай!

Раб откусил немножко, покатав во рту, прожевал... Затем протянул руку и взял со стола щепотку соли. Посолив остаток плода, он с увлечением зачавкал, пока не слопал всё.

— Ну? — с интересом спросил хозяин.

— Очень вкусно, господин! Особенно, если посолить!

— Как вкусно? — допытывался Стратон, — Как артишок?

— Не, ещё вкуснее!

— Как спаржа?

Раб задумался, затем просиял, найдя подходящее сравнение:

— Ещё вкуснее! Вкусно, как будто бабе впёр!

И Стратон, и Фарохий впечатлились. Разрезав второй плод пополам, они, поборов остатки сомнений, посолили и положили половинки в рты.

— Это что-нибудь божественное! — восхищённо пробормотал Фарохий, вытирая выступивший на губах сок ладонью.

— Амброзия в чистом виде! — подтвердил Стратон, — Я нарекаю этот плод *Lycopersicum**!

*помидор — латынь

«Хорошо бы у себя в саду такое посадить... потом попрошу у Стратона рассады. Но надо разобраться, откуда эти кусты в Иберии взялись. Прибило волнами... откуда? Там же бескрайний океан, Атлантика! Неужели у неё есть другой берег?»

Но выпито было уже изрядно, поэтому мысли Фарохия дальше не пошли.

Откуда в Иберии могли взяться помидоры? Автор не скроет от тебя эту тайну, Читатель!

Год с хвостиком назад. На западное побережье Океана обрушился ураган. Ветер срывал крыши с домов, ломал деревья и даже унёс целое стадо лам, пасшихся по недосмотру мальчишек-пастухов на склоне горы. Ливень! Струи толщиной в палец взрослого мужа хлестали страну упругими мокрыми жгутами. Ручьи — нет, бурные потоки, размывали террасы садов и огородов, ворочали валуны, низвергая их в Океан. В нескольких местах земля, не в силах сопротивляться стихии, сползала по склонам, снося целые кварталы и деревни. Целый пласт одной из террас очутился в воде. Переплетённые корни удержали дёрн, и превратившийся в остров огород поплыл, влекомый течением вздувшейся многократно реки. Всё дальше и дальше удалялся он от берега, пока не скрылся из глаз за пеленой дождя. А в трёхстах милях его подхватило могучее тёплое океанское течение и повлекло на *Septentriones**-*Orientem***. Остров-огород дрейфовал много недель, постепенно разваливаясь на куски, но в конце концов меньшую его часть выбросило на галечный пляж Иберии. Там его и нашёл Вариний Критский, зять Александрийского губернатора. Ну, а дальше ты знаешь, Читатель: посадил неизвестные кусты в горшки и отправил тестю!

**Septentriones* — север, латынь

***Orientem* — восток, латынь

Глава третья

Герон решил задачу рулевого устройства за две недели. На «Императоре Нероне» установили штурвал, которым мог легко оперировать один человек! Маневренность улучшилась на порядок! Автор не очень представляет, о каком порядке здесь идёт речь. Наверное, в смысле дисциплины на корабле. Впрочем, неважно. Модернизация колёс тоже принесла плоды: увеличилась скорость. Теперь пароход развивал до восемнадцати узлов! Наконец пришёл первый груз угля из Фракии. Расчёты показали, что при том же объёме топлива, взятого на борт, пароход может проплыть без дозаправки втрое дальше. Наиболее экономичная скорость — десять узлов — позволяла проплыть две тысячи миль!

Примерно тогда же приплывший из Мемфиса шурин Селевк, бывший там по торговым делам, рассказал, что в окрестностях Меримды (небольшой город в дельте Нила) он обнаружил месторождение каменного угля. Ну, как обнаружил? Обратил внимание, что местные вместо дров или кизяка жгут какие-то камни! Расспросил народ ненавязчиво, сходил посмотрел — целая долина!

— Я, не будь дурак, сразу же купил эту землю у местного магистрата. Недорого встало, ибо пустыня. Тебе же нужен уголь, о муж моей сестры?

— Нужен, ещё как нужен! — подскочил Герон при мысли, что уголь нашёлся так близко, — Сколько же ты хочешь за это место?

Селевк хитро прищурился:

— Давай так: земля моя, рабы твои. А уголь делим пополам! В смысле, выручку.

— Нет, так не пойдёт! — раздумчиво возразил Герон, — Ты один раз за землю заплатил — и всё, а мне производство разворачивать, рабов кормить. А транспорт? Тоже расходы! Так что, давай организуем товарищество на паях.

Родственники долго торговались, кому сколько вкладывать в дело и какую долю получать. Привлекли раба-бухгалтера. Тот долго задавал скучные уточняющие вопросы и раздражающе щёлкал костяшками на счётах. Высокие договаривающиеся стороны крепко утомились и выпили вина, чтобы освежиться. С его (вина) помощью в конце концов достигли консенсуса: Герон участвует на три четверти, Селевк — на четверть.

Герон был счастлив: уголь теперь перестал быть проблемой. Ведь, из Фракии много не привезёшь, морем-то! А через несколько дней счастье его усугубилось сообщением Кнорпа, что его жена Стримпа придумала машинку для шинкования овощей и фруктов!

— Блендер называется. Вот, смотри, господин: закладываешь в эту чашу что попало и вертишь ручку...

— Я?! Верчу какую-то ручку?! — обалдел Герон.

— Ой, я неправильно выразился! Рабыня вертит ручку. А на дне чаши два лезвия! Они режут что попало и всё подряд на одинаковые кусочки. Салаты теперь делать будет намного удобнее.

Герон премировал Стримпу отрезом на платье и задумался: не поставить ли производство блендеров на поток? Идея оказалась плодотворной! Сначала одна кузница, а затем ещё две выбросили на рынок партию в триста штук. Александрийцы и гости города размели всё за одно утро! Поступили заказы ещё на несколько тысяч. В полгода не соорудить!

Не успел Герон очухаться от нахлынувшей на него волны удачи, как Кнорп, целыми днями лежащий в тени в обнимку с бочонком пива, додумался до совершенно революционного оружия.

— Господин! Я тут подумал... Если порох насыпать в трубу, а сверху насыпать камешки, то взрывом их вытолкнет, и они полетят... довольно далеко! Много целей можно поразить сразу!

Герон отправился с этой идеей к Фарохию.

— Достопочтенный! Мы освоили производство пороха и бомб, метаемых как вручную, так и при помощи катапульта. А что, если...

И он объяснил насчёт трубы и камешков.

Фарохий задумался.

«Надо будет посоветоваться с Вернарием. Труба... она должна быть достаточно толстой и длинной, чтобы не разорвало от взрыва в стволе. А бронза — штука дорогая! За свой счёт накладно отливать. Пусть денег даст»

И они с Героном и Кнорпом пошли к стратегу. Тот выслушал внимательно и спросил:

— Какой предполагаемый радиус поражения?

— Мы не знаем, достопочтенный. Это можно будет установить только эмпирически, проделав несколько опытов. Но, полагаю, что на четыреста шагов можно надеяться, — осторожно ответил Герон, и Кнорп его поддержал.

Четыреста шагов! Катапульты метали камни на меньшее расстояние. Деньги были выделены, и заказ был отдан скульптору Сантинию, с успехом снабжавшего город бронзовыми статуями богов и героев.

— Вот, уважаемый Сантиний, надо отлить две трубы... — развернул чертёж Герон.

— Интересно, интересно... Какого бога или богов они будут символизировать? — удивлённо поднял брови над бородой скульптор.

— Ой, это не боги! И не для богов. Это просто так две трубы.

— Но зачем они тебе?

Необходимо было сохранить военную тайну, поэтому заказчик ответил уклончиво:

— Надо! Для опытов!

И Сантиний отлил две цилиндрические трубы с диаметром канала ствола семь дюймов и толщиной стенок тоже семь дюймов. Длинной трубы были семь футов. Это не совпадало с размерами на чертеже! На вопрос «почему?» скульптор пояснил, что «семь» — сакральное число. На самом же деле, поскольку оплата была прямо пропорциональна весу готового изделия, он и сделал отливки побольше.

— Бронза самая твёрдая, марки «Британия», — заверил мастер Вернария, умолчав, что эта марка самая дорогая.

Вернарий расплатился, посетовав, что не удалось сэкономить, и трубы повезли испытывать. Грузить их на повозки пришлось двум дюжинам рабов, такие они оказались тяжёлые. Четыре пары волов не спеша повлекли новое оружие на полигон за городом. Прибыв на место, рабы сформировали два холмика из песка и гальки, на которые и водрузили отливки, наведя одну на ствол старой пальмы в сотне шагов, а другую на стену сарая в трёхстах шагах.

Но тут встала проблема: как порох поджигать? Как до него донести огонь? Не через ствол же?

— Придётся сверлить, — заявил Кнорп, — Ближе к глухому концу.

Послали за сверлом. Рабы, переругиваясь, сверлили твёрдую бронзу целый день, закончили только ночью. Испытания пришлось отложить до утра. Трубы решили не двигать. Поставили двух часовых.

Утром Вернарий, Стратон и Фарохий укрылись в специально построенном блиндаже в три наката. Возникла заминка: сколько пороху заряжать? Решили для первого раза насыпать два фунта, а потом видно будет. Герон с Кнорпом уже собрались зарядить трубы, но...

— Стоп! — вдруг поднял руку Кнорп, — Порох засыплем, камни тоже... Думаю, между них пробка должна быть! Для плотности. Хотя бы из тряпки.

— Верно! — подтвердил Герон.

Стали искать тряпку. Тряпки не нашлось, пришлось снять набедренную повязку с одного из рабов. Тот сразу же прикрылся ладошкой, отошёл в сторонку и сел под кустами, заявив, что

голым работать не будет, потому что стесняется. Остальные рабы моментально обзавидовались и тоже захотели отдохнуть в тенёчке, но им показали кулак, и они скрутили тряпку в жгут, сделали пыж, затолкали в ствол до упора. Кнорп насыпал порох на затравку и выжидательно воззрился на начальство. Герон на всякий случай залез в блиндаж.

— Давай! — крикнул Вернарий.

И Кнорп поджёг порох. Оглушительный грохот повалил на землю и его, и Герона. Труба прыгнула назад аж на восемь шагов и ушибла зазевавшегося тролля так, что даже шишка на лбу вскочила! Сноп картечи — мелких камушков — с воем пронёсся над пляжем и врезался в пальму. Бедное дерево превратилось в щепки! Мы забыли упомянуть, что пальма была в два обхвата толщиной.

— Нифига себе! — воскликнули хором главные начальники, придя в себя от грома, — А ну, вторую!

Герон вылез из блиндажа, слегка дрожащей рукой поднёс к запальному отверстию факел и, на всякий случай, упал ничком. Снова грохот, вой картечи... Все с изумлением осознали, что сарай, построенный из добротных досок, перестал существовать! Вот это оружие!

— Я нарекаю эту трубу Салпа*! — торжественно провозгласил Вернарий и все с ним согласились.

*пушка — латынь

Так родилось огнестрельное оружие. В Рим об этом было послано донесение. Генштаб оценил его по достоинству и пообещал прислать военпреда разобраться на месте. Но произошли события, задержавшие его приезд.

Наступил DCCCXV-й год от основания Рима (62-й год нашей эры). Император Нерон провернул величайшую и хитроумнейшую геополитическую интригу современности: выдвинул претензии на трон Понта, ссылаясь на родство Полемона II и Антония. Автор не знает, кто это такие, и при чём тут их родство, но, судя по всему, козырь был сильный. Претензии были мощно подкреплены армией и флотом, приставившими к животу Понта меч. Фигурально выражаясь. Царь Понта Фарнак III вынужден был согласиться с этим династическим вывертом, хотя и не хотел, и Нерон аннексировал Понт, а Фарнака с почётом проводил на пенсию! Огромная территория Причерноморья и Малая Азия (по тогдашнему — Вифиния) с богатейшими городами влилась в Римскую Империю, а в Александрию пришло письмо. Стратон, прочитав его, созвал совещание. Фарохий, Вернарий и Герон с Кнорпом снова собрались у него на лужайке.

— Достопочтенные и ты, раб! — начал губернатор, — Наш возлюбленный богами император, да живёт он вечно, присоединил Понт к империи!

И произнёс непонятное:

— Крымнаш!

Все переглянулись, с трудом сдерживая ликование, ибо были патриотами. Стратон, отпив вина из кубка, продолжил:

— Мне, в смысле, нам, приказано построить пятьсот восемьдесят пушек. Для начала, да. Бронза прибудет из Синопа и Пантикапея через два месяца. Генштаб выделил деньги. Тебе, достопочтенный Вернарий, я поручаю контроль за этим госзаказом.

— Придётся задействовать не только Сантиния, — озабоченно отозвался стратег, — Объём работы уж больно велик! Он в одиночку пять лет возиться будет.

— Да! Необходимо справиться в кратчайшие сроки, — тут губернатор поднял палец для значительности, — а то император обидится!

— Завтра же напрягу всех, кто может отлить! — пообещал Вернарий и выпил разбавленного спирта, к которому у него начала формироваться привычка.

Спирт вставлял намного эффективнее вина, но нравился далеко не всем. Поэтому торговля спиртом шла не так бодро, как хотелось Герону: народ, воспитанный на разбавленном

вине, никак не мог привыкнуть пить крепкое пойло. Спирт покупали в основном цирюльники и хирурги, ибо выяснилось, что при обработке им рук и инструментов значительно реже бывают нагноения. Чудо, не иначе! Благоволение богов!

На следующее утро стратег оценил выделения штаба. Ну, то-есть, ассигнования на производство пушек. Деньги были очень большие, грех было не...

«Как бы... сэкономить? Я, конечно, поторгуюсь со скульпторами и литейщиками... А что, если отливать не из бронзы, а, скажем, из чугуна? Он же втрое дешевле! Да и легче! А расписки с мастеров возьму, как за работу с бронзой!»

Но возникли сомнения в надёжности. Вдруг его разорвёт, чугунёвое-то изделие? И Вернарий приказал отлить модель пушки в одну десятую от оригинала величиной. Её зарядили соответственным количеством пороха и стрельнули. Выдержала! И даже полуторный заряд выдержала! И мастерам была дана команда отливать полноразмерные пушки из чугуна. Параллельно этому процессу Герон с Кнорпом придумали лафет на колёсах. Теперь пушки были безопасны при отдаче, их легче было наводить на цель и транспортировать. Вернарий же, играя с моделью, однажды задумался:

«Можно же сделать носимый вариант пушки! Ствол, конечно, придётся делать не из чугуна, а из кованого железа, оно легче и прочнее, и закрепить его на деревянной рукоятке, чтобы стрелок мог целиться куда попадёт!»

Он озаботил этой идеей Герона, и через месяц первый мушкет был готов.

— Вот, достопочтенный, — размахивал руками Герон, — Ствол я сделал три с половиной фута, калибр — один дюйм. Чтобы выстрелить, надо поджечь фитиль и поднести его при помощи спускового крючка к запальному отверстию. Вся конструкция крепится на деревянном ложе с упором под плечо. Для лучшего прицеливания лучше стрелять с упора. Вот, рогулька такая, она же шомпол. Заряжать нужно свинцовыми шариками соответствующего диаметра. Такая пуля летит на шестьсот шагов! Можно заряжать маленькими шариками — дюжину на заряд. Тогда они летят на триста пятьдесят шагов, но зато радиус поражения достигает восьми футов! Отличное оружие для пехоты. Камушки увы, не годятся: может заклинить ствол и разорвать.

— Свинец... — пробормотал Вернарий, — Понадобится много свинца...

Свинец добывали на Крите и в Иудее.

«Я куплю эти рудники и стану эксклюзивным поставщиком свинца для армии! А если пушки заряжать чугунными ядрами? Они же любую стену разнесут!»

В Рим было послано подробное описание мушкета и сам мушкет. Для наглядности. А Фарохий между тем организовал несколько мануфактур: кузнечную, литейную и пороховую, сосредоточив, таким образом, производство нового оружия в своих руках. С помощью Герона эти предприятия были оснащены паровыми машинами. Производство же паровых машин осталось за Героном.

Итак: Герон — монополист в производстве паровых машин и инструментов с ними связанных. Он же главный поставщик каменного угля. Фарохий, пользуясь своим положением заместителя губернатора по науке и технике, стал владельцем мануфактур, производящих оружие. Вернарий держит добычу свинца и контролирует финансирование. Все, таким образом, при деле. Ну, и денежки зарабатывают немалые. Стратон тоже не обижен: ему, как положено, регулярно заносят достойные его ранга суммы за покровительство.

Пятьсот восемьдесят пушек было отлито за восемь месяцев. Военпред императора Гай Клавдий Сонвир, приехавший из Рима, дал продукции самый лучший отзыв и заказал ещё шесть сотен. Также восхитился постреляв из мушкета: умудрился прострелить тыкву на сотне шагов.

— Отличная штука! Сколько их... э-э... мушкетов изготовлено на сегодняшний день?
— спросил он Фарохия.

— Три тысячи восемьсот, достопочтенный.

— Надо больше. Деньги выделены, надо их освоить! Скажем, ещё пять тысяч соорудить до конца финансового года. Как гласит наша римская поговорка: хочешь мира — готовься к войне.

Вернарий хмыкнул: с кем воевать-то? Понт в составе империи, Карфаген давно стёрт с лица Земного Диска и засыпан солью... Парфяне шебуршатся на востоке, но их можно шапками закидать. Вот только далеко идти их воевать всерьёз, а потому лениво. Варвары-германцы вообще не противники. Промолчал.

Гая Клавдия Сонвира прокатили также на «Императоре Нероне», где устроили грандиозную пьянку с вручением ему именного мушкета в подарочном исполнении (полированный приклад из красного дерева, золочёный ствол, гравировка, чехол из сафьяна). Римлянин был очень растроган. Он уехал, оставив также заказ на пятьдесят два (!) парохода, пожелав при этом, чтобы они были вдвое больше «Императора Нерона». Ну, не замечательно ли?

Так Александрия превратилась в кузницу империи. На верфях заложили пароходы, дымили трубы многочисленных мануфактур, ухали паровые молоты, кующие что-то железное. Легионеры Вернария осваивали пушки и мушкеты.

А Фарохию не давала покоя мысль о происхождении помидоров. Вернее, о противоположном берегу Атлантики.

«Эх, вот бы сплавать, посмотреть, что там и как! Наверняка там не только помидоры найдутся. Но как начальство заинтересовать и убедить? Стратон уже старый, ему приключения ни к чему... Может, в Рим съездить, попроситься на приём к императору? Но чем его заинтересовать? Помидорами? Думай, Фарохий, думай!»

Однажды жена Гера, названная так в честь одноименной богини, за обедом посетовала:

— Ходила сегодня на базар, хотела купить перца, корицы... Ты не представляешь, как пряности вздорожали! Соль, кстати, тоже.

Фарохий облизнул ложку и пожал плечами:

— Ну да, их же издалека возят: из Индии и Срединной Империи. А там сейчас кочевники шалят, караваны грабят. Вот тебе и подорожание.

Гера скорчила гримасу:

— Ах, если бы в обход тех кочевников можно было товары привозить!

И Фарохия стукнуло:

«В обход? Срединная Империя на другом краю Земного Диска. Острова, на которых пряности растут, тоже где-то там. Если на корабле, в смысле, на пароходу туда сплавать вокруг Африки? Финикийцы же плавали! ... Нет, уж очень далеко. По суше караваны чуть ли не год идут, а вокруг Африки втрое длиннее. Хотя... минуточку! Мы традиционно говорим: „Земной Диск“. А Пифагор Самосский ещё семьсот лет назад утверждал, что Земля — шар! Ну, теория у него была такая. И Аристотель тоже эту теорию поддерживал! Да и не только он: Эратосфен вообще сосчитал длину окружности этого шара! Сколько там... не помню... Да и не так важно! А важно то, что если поплыть напрямик через Атлантику на Occasum, то в Срединную Империю или в Индию и упрёшься! И наверняка короче выйдет, чем если на Orientem плюхать!»

Стоп, скажешь ты, Читатель. Не этими ли самыми доводами, теориями и расчётами руководствовался Христофор Колумб? Да, ты прав! Но это только доказывает, что мысли у людей в схожих обстоятельствах текут в том же русле! Вот так и получилось, что Фарохий додумался до плавания в Индию через Атлантику на полторы тысячи лет раньше!

У нашего египтянина аж голова закружилась от предвкушений: вот он приплывает на заветные острова и рвёт и корицу, и перец, и ваниль, набивая ими трюм парохода...

«Эй! Почему одного парохода? Много пароходов! А перец, на минуточку, на вес серебра идёт! Да и остальные пряности тоже! Вот и будет тема поговорить со Стратоном, чтобы экспедицию санкционировал и материально поддержал. Сам я такое не потяну, пароход за свой счёт не построить. Да на одном и боязно плыть, мало ли что. Страховка нужна. Конечно, придётся нашему губернатору-живоглоту пообещать долю добычи... Ну, это вопрос решаемый».

До самого вечера составлял речь, долженствующую убедить Стратона Италийского. Однако Стратон, когда Фарохий пришёл к нему и принялся убеждать о коротком пути в Индию, отверг проект, даже не дослушав до конца аргументы. У него был больной желудок, и всякие пряности приводили к обострению. А, значит, и плыть за ними незачем, тем более, непонятно куда.

Герон же находился в творческом простое. Не рождались новые идеи. Но однажды утром пришёл Кнорп.

— Слышь, господин, — развязно начал он, — Я, это... вот чего придумал насчёт соли. Она же нынче дорогая, потому что издалека везут, верно?

— Ну?

— А если самим её делать?

— Это как это, самим? — удивился Герон так, что даже вспотел, несмотря на утреннюю прохладу.

Кнорп ухмыльнулся:

— А так! Ставим на берегу моря котёл, заливаем в него морскую воду — и выпариваем! Угля у нас много. А ты соль продашь и денежек заработаешь!

«А ведь и верно! Как я сам не дотумкал!» — возликовал Герон, — «Просто, как отрывка после редьки! Море вот оно, стоит! Вода в нём бесплатная, котлы скуём, уголь собственный... Ай да тролль-пироман!»

Уже через месяц котлы дали первую соль. Она была с горчинкой — ну, морская же, но вполне съедобная. А самое главное — она была в восемь раз дешевле каменной. Народ раскупал её очень охотно.

Кнорпа Герон премировал бочонком вина (хорошего, кипрского), и тот на две недели ушёл в запой. Кримпа и Стримпа были очень недовольны.

Глава четвёртая

Прошло много месяцев. Корабелы построили сорок три парохода. Паровые машины (турбины) на них развивали мощность в двести лошадиных сил! Бронзовые рога-тараны внушали ужас мореходам — несколько схваток с парфянами в Понте Эвксинском показали, что спасенья нет, пароход с лёгкостью настигает любое гребное судно и разносит его в щепки. Не говоря уже о Греческом Огне, пушках и мушкетёрах. Мушкетов теперь хватало на пять легионов. Вернарий, пораскинув мозгами, распорядился, чтобы вместо пилумов (копий) легионеры обзавелись багинетами, примыкаемыми в случае рукопашной схватки к стволам. Мощь армии возросла многократно. А Герон работал над локомотивом — самодвижущейся безлошадной повозкой. Дело было не простое, а очень даже сложное. Нужна была *Machina belli** чтобы победоносно завершить войну с Парфией. Ну, бронеход! Боевая машина, вооружённая небольшой пушкой, неуязвимая для любого метательного оружия. Идея принадлежала Вернарию.

*машина войны — латынь

Первоначально Герон построил нечто вроде небольшого сухопутного корабля с огромными, как у арбы, колёсами. Но, как наш инженер не изоцрялся, аппарат получился слишком громоздким и слишком хлипким, а главное, никак не получалось создать компактный, но мощный двигатель. Он был отвергнут придирчивой комиссией госприёмки: слишком тяжёлый, неповоротливый и тихоходный. Второй вариант тоже не удался: опрокидывался при выстреле из пушки. А самое главное: как перезаряжать пушку? Не вылезать же под вражеские стрелы? А с одним зарядом много не навоеешь!

Парфия — могучая прикаспийская страна — оставалась единственной державой, смеющей противостоят Риму. Последняя война с ней из-за Малой Армении тлела с 58 года.

Начальник разведки Сумаар, дождавшись вызова, вошёл в кабинет царя и привычно простёрся ниц на малахитовых плитах пола. Владыка Парфии Вологез I досадливо поморщился:

— Встань и докладывай.

Сумаар поднялся и, откашлявшись, принялся докладывать:

— Государь! Мои соглядатаи доносят, что в течение последнего года римская армия в Египте получила совершенно новое оружие: огнестрельное.

Царь вздрогнул и нахмурился. Парфяне поклонялись огню, и огнестрельное оружие в руках противника было и неправильно, и несправедливо, и богохульственно.

— Это оружие представлено в двух вариантах, — продолжал разведчик, подглядывая в свиток-шпаргалку, — Первое: так называемая «пушка». Представляет собой чугунную семи-футовую трубу, в которую засыпается огненное зелье «порох» и картечь — камешки или свинцовые шарики. Радиус поражения очень большой, до пятисот шагов. Пушка может также извергать чугунные шары. Они летят ещё дальше и способны расколоть любую каменную стену. Пушки установлены на лафетах с колёсами для облегчения транспортировки и прицеливания. Скорострельность: до шести выстрелов в час.

Он перевёл дыхание. Царь кивнул: продолжай, мол.

— Второе: так называемый «мушкет». Труба из кованого железа высокой прочности длиной три с половиной фута. Диаметр один дюйм. Закреплена на деревянном ложе с упором для плеча. Для удобства прицеливания используется также рогулька-подпорка, она же шомпол. Стреляет одиночными свинцовыми пулями на пятьсот шагов, или картечью на триста. Скорострельность до пятнадцати выстрелов в час. По моим данным, сейчас мушкетами вооружено пять легионов. Все они в Египте. Пушек же около тысячи. Тоже, в основном, в Египте.

— Известен ли состав этого зелья, пороха?

Сумаар развёл руками:

— К сожалению, нет, о государь. Мой шпион Дортанпар предлагал за этот секрет огромные деньги одному из вольнонаёмных мастеров пороховой мануфактуры — восемьсот динариев! Но тот не сказал, потому что забоялся, что начальники его накажут, если узнают об этом. В смысле, распнут.

Царь сожалеюще вздохнул и знаком велел продолжать. Продолжение ему не понравилось.

— Помимо сухопутного варианта, пушки, в количестве четырёх, установлены также на безвёсельных кораблях-пароходах, что делает римский флот абсолютно неуязвимым: ни один корабль не сможет приблизиться к пароходу на расстояние выстрела катапульты или баллисты, не говоря уже об abordage. Он будет утоплен пушечными выстрелами или расколот на куски тараном — пароходы развивают немыслимую скорость в восемнадцать узлов, и уклониться от столкновения гребным судам невозможно. Эскадра из дюжины таких плавучих батарей может безнаказанно превратить любой приморский город в руины!

— Что представляют собой эти пароходы? — спросил Вологез, могучим усилием воли подавив страх и дрожь в голосе.

— Огромные, триста локтей в длину корабли, приводимые в движение двумя колёсами с лопастями.

— А чем они вертят колёса? Ведь, не рабами же?

Сумаар понурился:

— Государь! Удалось только выяснить, что какой-то паровой машиной... Силой пара, короче.

Вологез надолго задумался, затем подал знак и раб разжёл курильницу. Две. У Сумаара от густого запаха благовоний засвербило в носу, но он сдержал чих — как можно отвлекать государя от дум глупыми звуками!

— Кто стоит за всеми этими изобретениями? — задал царь ключевой вопрос негромко, но с сильным нажимом, поглаживая крашеную хной бороду.

Сумаар склонился на свиток и ответил:

— Некий Герон Александрийский. Инженер-самоучка. Из греков. Двадцать девять лет. Женат на одной жене.

— Он состоит на службе у александрийского губернатора?

— Нет, мой царь. Он сам по себе. Но губернатор Стратон платит ему за военные заказы... и немало.

Вологез выпрямил спину и уставил палец на начальника разведки:

— Ты должен доставить его мне. Дай ему денег, сколько запросит, или выкради. Но чтобы ни один волос не упал с его головы! И привези мне также мушкет. Интересно взглянуть.

— Слушаюсь и повинуюсь, государь! — поклонился Сумаар.

— Свободен!

Главный разведчик пятясь покинул кабинет, бормоча молитву Вечному Огню. В голове роились мысли, ориентированные на экономию средств:

«Выкрасть, конечно, лучше... Зачем деньги платить, да? Охраны у этого Герона нет, только домашние рабы...»

Он был неправ. Три месяца назад Вернарий, посетил Стратона посоветоваться насчёт охраны Герона. Обстоятельно сев на скамью и надув щёки для значительности, он заявил:

— Герон, однако, теперь достояние государства. Машину войны разрабатывает и вообще... А враг не дремлет! Парфянские щупальца по всей империи раскинуты! Выкрасть могут инженера нашего!

Стратон озабоченно нахмурился:

— Ага, и Кнорпа заодно... Ты прав, Вернарий, их нужно сберечь. Никто, кроме Герона не владеет искусством строить паровые машины. Если мы утратим Герона с Кнорпом... ой, даже подумать страшно, насколько извращённо нас император накажет!

— Ты, наверное, хотел сказать «изошрённо», достопочтенный?

— Ага, и изошрённо тоже!

Оба содрогнулись и поспешно выпили вина. Неразбавленного.

Отдышавшись, Вернарий спросил:

— Я полагаю, две декурии круглосуточной охраны будет достаточно?

— Согласен. Расходы спишешь по графе «госбезопасность».

И две декурии стражей втиснулись в не очень просторный дом Герона. Поставили палатки во дворе, чем создали ощутимое неудобство семье и обслуживающему персоналу. Домочадцы спотыкались об амуницию и ноги легионеров, особенно в темноте, и вынуждены были подолгу стоять в очереди в единственную латрину*. Герон и Кнорп лишились всякой приватности: куда бы они не пошли, их везде сопровождали стражи, громко топая калигами**. А ночью стражи торчали под дверью. В смысле, у входа в спальню, за занавеской, ибо внутри домов дверей не имелось. Это раздражало и мешало личной жизни, в смысле, исполнению супружеского долга. Жёны роптали. Но Герон стоически терпел эту безопасность, так как понимал важность своего статуса главного инженера империи. Кнорп тоже терпел, компенсируя неудобства винопитием.

*латрина — отхожее место, латынь

**калиги — армейская обувь, латынь

Итак, в Александрию отправилась команда из шести парфян-спецназовцев, замаскированных под купцов. В виду чрезвычайной важности задания с ними поехал и сам Сумаар. Везли они всякие экзотические товары — шёлковые ткани, ковры и неограниченные полудрагоценные камни — яшму, малахит, лапис-лазурь. Путь их лежал через Малую Армению и Иудею, что давало возможность заодно и на шпионить что-нибудь. Долго ли, коротко ли, но прибыли они в Александрию. На въезде в город их остановил патруль городской стражи.

— Стоять! Кто такие? — грозно и надменно спросил конный декурион.

— Мы, это... купцы... — промямлил Сумаар, щупая кошелёк.

Он не ожидал такого осложнения. Тут же последовал новый вопрос, оглушивший, как дубиной:

— Откуда пришли?

Признаться, что они из Парфии, значило подвергнуть всю операцию провалу! Надо было срочно придумать убедительную легенду.

— Из этой... из Индии!

Декурион окинул «купцов» хмурым взглядом.

— Не больно-то вы на индуёв похожи... Чем докажете?

— А вот! — засуетился Сумаар, — Вот доказательство! Нешто мы без понятия?

И вложил в руку стража кошелёк с двумя сотнями сестерциев. Оказалось достаточно убедительно!

— Проезжайте!

Приунывшего на почве неудач с бронеходом Герона снова выручил Кнорп.

— Смотри, господин, что у меня есть!

Взору господина предстала небольшая черепаха. Таких в окрестностях города ползало множество.

— Ну, и что?

— А то!

Кнорп дотронулся до носа животного, и оно втянуло голову в панцирь.

— Надо сделать пушку втягивающуюся. Втянул, зарядил — и снова высунул, чтобы стрельнуть.

Герон стиснул своего раба в объятиях и измочил слезами радости. Скорее в мастерскую!

Устройство, родившееся в результате наблюдения за черепахой, и получилось похожим на черепаху. Полусферический железный купол с закрывающимися смотровыми щелями накрывал платформу с двигателем, топкой, пушкой и местом для команды. Пушку пришлось отливать вдвое меньшего размера, но зато не стало проблем с перезарядкой: отдачей её вкачивало в кабину, где она становилась на стопор. Перезарядивши, стопор освобождали, и дуло снова высовывалось наружу. Два огромных ведущих ребристых колеса дополнялись для устойчивости четырьмя маленькими. Команда: стрелок, механик-водитель, кочегар, он же помощник стрелка. В бронеходе было тесно и жарко от топки, но этого же не избежишь! Максимальная скорость — четыре мили в час. Дальность хода — до двадцати миль. Наводка на цель осуществлялась движением всего аппарата. Были мысли разместить в кабине ещё и стрелков с мушкетами, но увы, нельзя впихнуть невпихуемое.

Испытания проводились без Стратона и Фарохия. Стратон маялся животом, а Фарохий уехал в командировку в Мемфис. Только Вернарий пожелал лично прокатиться. На испытаниях ему пообещали место стрелка. На место механика-водителя Герон предполагал сесть сам, а кочегаром взять Кнорпа. Полигон представлял собой огромный пляж в десяти милях от города. Тащить туда устройство пришлось на буксире тремя парами волов. Охрана Герона на испытания не пошла. У неё был по расписанию банный день.

— А мишени? — поинтересовался Вернарий прибыв на место в повозке с всего тремя телохранителями.

— Ну-ка, быстренько расставили мишени! — рявкнул рабам начальник охраны.

Рабы, переругиваясь и почёсываясь, разбрелись выполнять команду. Возились более часу. Так и чесались руки дать им кнута, но было лениво.

Щиты, в которые предстояло стрелять ядрами, были круглые, диаметром пять футов. Задача была поразить их с трёхсот шагов. Подальше стояли рядами вязанки хвороста, изображающие воинов противника. Их надо было поразить с двухсот шагов картечью.

Герон велел Кнорпу поднимать давление в котле. Через несколько минут тот доложил:

— Готово! Пар на марке!

Все заняли свои места. На место механика-водителя сел сам Герон, за кочегара Кнорп. Вернарий, поёрзав на жёстком сидении, скомандовал:

— Вперёд!

И *Machina belli*, изрыгая из трубы клубы чёрного дыма, двинулась с места. А рабы, которым больше нечего было делать, пошли купаться.

Сумаар со своей командой следил за домом объекта уже целый месяц, выжидая подходящего момента чтобы засунуть инженера в мешок и умыкнуть. Но две декурии вооружённых мушкетами с багинетами стражников представляли серьёзное препятствие. Не идти же на штурм? В конце третьей недели он со вздохом решил поменять план с похищения на подкуп, но застать Герона в одиночестве никак не удавалось. Товары были все распроданы, и на парфян, не занятых торговлей или иным полезным делом, уже подозрительно косился хозяин постоянного двора, понтийский грек. С каждым днём возрастал риск, что он заложит фальшивых индийских купцов контрразведке! Сумаар отбрёхивался, что они, пользуясь случаем, осматривают достопримечательности Александрии. Всё равно паршивец зыркал недоверчиво. Пришлось сделать ему подарок — двух баранов. Это помогло, грек подобрел. И вот наступил день испытаний бронехода! Из ворот вышла упряжка волов, волокущая на буксире совершенно непредставимую конструкцию на шести колёсах — двух больших и четырёх маленьких. Её

сопровождали две повозки. В первой было четыре человека, во второй двое. За повозками плелись пешком безоружные рабы, так, десятка два, тащившие круглые полотнища на рамах и вязанки хвороста.

— Это Вернарий с охраной, Громовой Болт*! — возбуждённо шепнул Натор, Красное Пламя**.

*Громовой Болт — звание в парфянской армии, соответствующее старшему центуриону у римлян

**Красное Пламя — звание в парфянской армии, соответствующее декуриону у римлян
Сумаар уже и сам узнал египетского стратега.

«А во второй-то повозке... Герон! И его раб-пироман! Вот это удача!»

— Значит так: скрытно следуем за ними! Судя по всему, они едут испытывать свою *Machina belli*. Стражей всего трое, мы легко справимся с ними. А инженера и его раба повяжем и на двух повозках уедем!

— Ага, с комфортом! — восхитился Натор, — А машину закопаем, а потом вернёмся за ней на корабле.

«Интересная мысль!» — прикинул Сумаар, — «Премии получу!»

У всех бойцов имелись арбалеты и мечи. Их легко было спрятать под широкими балахонами.

Вот и пустынный пляж. Парфяне залегли за небольшим барханом, зорко следя за развитием событий.

Проехав шагов двести, бронеход вышел на первую мишень. Герон, глядя в смотровую щель, ориентировал аппарат и уменьшил скорость до минимальной.

— Захват цели!

— Огонь! — скомандовал сам себе Вернарий и поднёс огонь к запалу.

Раздался оглушительный грохот, усугубившийся закрытым пространством купола. Бронеход содрогнулся, но не опрокинулся, как предыдущая модель! Пушка отскочила и встала на стопор.

— Цель поражена! — донёсся до Вернария едва слышный голос, — Заряжай!

Зарядив пушку дрожащими от пережитого стресса руками, Вернарий отрапортовал:

— К выстрелу готов!

И Герон принялся направлять смертоносное устройство на следующую мишень.

Парфяне, находившиеся в полумиле, тем не менее были крепко напуганы ранее не слышанным громом выстрела. Под одним из бойцов даже расплылось мокрое пятно.

— Нифига себе! — в ужасе воскликнул Натор, забыв о конспирации.

— Тихо! — одёрнул его Сумаар, которому тоже было очень не по себе, — Ты нас выдашь своими воплями!

Пора было переходить от наблюдений к действиям — не лежать же тут весь день!

— Ты, ты и ты! — он указал пальцем на троих бойцов, — Подкрадитесь и нейтрализуйте охрану. А ты, Натор, и вы, двое, догоните черепаху и вытащите из неё инженера. Вон, на заднице дверь. Наверняка не запертая.

— А ты, Громовой Болт? Что будешь делать ты? — дерзко спросил Красное Пламя.

— Я... буду осуществлять общее руководство, — уклончиво ответил начальник экспедиции, — Координировать.

Тем временем бронеход успешно поразил ещё две мишени. Вернарий ликовал, Герон тоже. Ствол зарядили картечью и теперь двигались на рубеж стрельбы по вязанкам хвороста. До них было чуть меньше мили. Внезапно подал голос Кнорп:

— Сзади бегут какие-то люди! Трое! У них арбалеты!

Герон обернулся и посмотрел в заднюю смотровую щель: и в самом деле трое с оружием! И это не охрана Вернария... От повозки с охраной они удалились более, чем на милю, и их было не видно из-за складок местности.

— Делаю поворот оверштаг! На нас напали! — крикнул он Вернарию, одновременно разворачивая бронеход,

Трое злоумышленников приближались. Рыхлый песок не позволял им бежать быстро, но их отделяло от цели не более четырёх сотен шагов. Вернарий, не дожидаясь подтверждения, что цель захвачена, выстрелил. Сноп картечи провизжал над песком пляжа и одна (!) картечина пробила живот правофлангового парфянина. Остальные двое, верные воинскому долгу, резко разошлись в стороны и ускорили бег. Перезарядить пушку уже не было времени, да и смысла не было: в упор же не стрельнешь! Но Герон вытащил из-за спины короткий мушкет — своё последнее изобретение. Он был длиной всего в фут с четвертью и приклада не имел. Так, только ручка, чтобы держать. Предназначено сие устройство было для стрельбы на ближней дистанции. Была, конечно, надежда отсидеться в куполе до прихода охраны. Щеколда на двери была замкнута.

Парфяне подбежали вплотную и принялись стучать в железную дверь:

— А ну, вылезайте! Мы вас не убьём, только возьмём в плен, Огнём клянёмся!

Герон увеличил скорость до максимальной, но четыре мили в час не достаточно, чтобы оторваться. Да и топлива оставалось всего на час. Или меньше. Грязно ругаясь, Натор с разбегу вспрыгнул на бампер и принялся ковырять кинжалом в щели между дверью и рамой, пытаясь открыть щеколду. В конце концов это ему удалось, и дверь распахнулась, но в этот момент Герон нажал тормоз, бронеход встал как вкопанный, и Красное Пламя не удержался на бампере.

— На вылазку! — заорал Кнорп, самый опытный боец из всех присутствующих, хватая лопату.

Он и Герон выскочили одновременно. Вернарий подбадривал их, выкрикивая бестолковые команды типа: «Окружай их! Бей гадов! Во имя Марса!», но с места не двигался. Герон навёл своё оружие на одного из нападающих, уже выхватившего меч, и выстрелил. Отдача едва не вывихнула руку, вздёргнувшийся ствол рассёк бровь. Но картечь превратила голову парфянина в решето, и тот выбыл из строя. Рычащий Кнорп описывал лопатой свирепые круги над головой. Казалось, что он вот-вот взлетит! Оставшийся в одиночестве Натор при виде разъярённого тролля заколебался и дрогнул. Вместо того, чтобы нападать, он попытался уйти в оборону. Кнорп воспользовался этим и провёл отличный удар по ногам, надрубив левую голень. Натор упал. Подхватив с песка меч, Герон, поколебавшись недолго, пронзил парфянина живот, рассудив, что два убийства подряд — это чересчур, боги не одобряют. Затем победители поспешно забрались обратно в купол.

— К выстрелу готов! — азартно отрапортовал Вернарий.

— Ой, не до выстрелов! Тикаем отсюда! — возбуждённо предложил Кнорп, — Их может быть ещё!

И бронеход на всех парах помчался к повозкам.

Трое бойцов, назначенные разобраться с охраной, не достигли успеха. Они попытались обстрелять легионеров из арбалетов, но те вовремя заметили угрозу и заслонились щитами. А затем тремя выстрелами из мушкетов застрелили двоих, а третьего догнали и зарубили. Сумаар, видя это, удрал.

Короче, испытания *Machina belli* прошли более, чем успешно!

В Рим об этом отправили подробный рапорт. И о том, что контрразведка пресекла вражескую попытку похищения достояния империи — тоже.

Глава пятая

Сумаар прибил к какому-то каравану и добрался до Гекатомпила* (столицы Парфии) спустя полтора месяца после вышеописанных драматических событий. Его сразу же привели пред светлы очи царя.

*Гекатомпил, ранее Саддарвазекс — город в западной части Хорасана недалеко от юго-восточного побережья Каспия — прим. Автора

— Ну? — поднял бровь Вологез.

Вид у него был очень неприветливый. Это, а также почему-то стоящий за тронном палач навело Громоваго Болта на грустные мысли.

«Задание-то провалено... Я, конечно, не виноват, оно случайно так случилось. Как бы отбрехаться?»

— Мой царь! Мы выследили этого Герона, и я целый месяц искал к нему подходы. К сожалению, стратег Вернарий Ниспатор приставил к нему и Кнорпу охрану — целых две декурии. Круглосуточно, да. Однажды вечером я всё-таки сумел подкрасться к Герону и посулил ему тысячу сто золотых динариев если он согласится поступить к тебе на службу. Ну, и разумеется, жалование каждый месяц как у визиря второй степени, поместье на берегу хоть моря, хоть реки. Паёк первой категории!

— А он что? — подался вперёд Вологез.

— А он, это... отказался.

— А ты что?

— А я... поднял до тысячи трёхсот. Больше у меня всё равно не было. Но он опять отказался. Так что деньги я все назад привёз.

Врать царю нехорошо! К счастью, проверить эту историю было невозможно, но Сумаар всё равно весь покрылся липким холодным потом от страха, что его уличат во лжи. Царь покоился на палача. Тот изобразил на лице сомнение. Нахмурившись, монарх велел:

— Продолжай! Впрочем, напомни мне сначала, что за Кнорп такой.

— Кнорп, государь, это раб и первый помощник Герона. Генератор идей.

— А-а!

Глотнув воздуха, Сумаар принялся рассказывать, уже ничего не присочиняя:

— Ну, я принял решение о похищении. Подходящий случай представился через три дня. Они повезли испытывать железную черепаху... С Героном был только Кнорп и стратег Вернарий. И ещё всего три телохранителя, не считая рабов.

— Стоп! С этого места поподробнее! — заинтересовался царь, — Нарисуй-ка мне эту железную черепаху! Эй, там! Папирус и уголь сюда, живо!

Раб моментально принёс требуемое.

— Я плохо рисую, государь. Может получится не... не очень, — предупредил властелина Сумаар, — То-есть, я хочу сказать: не очень жизненно.

— Рисуй давай! — нетерпеливо понукнул его палач.

Высунув язык от старательности, Сумаар корявыми линиями изобразил бронеход.

— Вот, изволь посмотреть, государь: железный купол с трубой из которой идёт дым. На заднюю дверь. Ещё в куполе есть дырки, чтоб смотреть. Спереди торчит пушка. А это колёса: четыре маленьких и два больших.

— Как же она движется? — задумчиво бормотнул Вологез, вертя рисунок в руках.

— Да вот же, колёса! — ткнул пальцем в изображение Сумаар.

— Дурак! Что колёса крутит? Неужели тоже паровая машина?

— Я думаю — да.

— Он думает! Мыслитель, блин! — фыркнул царь, отбрасывая рисунок бронехода, — А дальше-то что?

Сумаар сосредоточился: дальше предстояло описать самое неприятное, за которое могут и голову оттяпать! Ишь, как палач напрягся!

— Дальше... На полигоне у моря мы разделили силы: троих я послал истребить охрану, ведь рабы не в счёт, они купаться пошли, а другим троим приказал выковыривать Герона из черепахи. Но он заметил их приближение и стрельнул в них из пушки. Государь! Пушка убила бойца с четырёхсот шагов! Остальные двое, ведомые Красным Пламенем Натором, достигли черепахи и даже сумели открыть дверь в ейном заду, но Герон и Кнорп выскочили и оказали сопротивление. В смысле, Герон убил одного бойца выстрелом из мушкета...

— Мушкет?! Так в черепахе был ещё и мушкет?! — потрясся Вологез.

— Да... мушкет... маленький такой, типа, детский... А Кнорп лопатой Натору ногу отрубил.

— А потом что?

— А потом они в черепахе обратно запрыгнули и уехали. Потому что охрана остальных троих бойцов застрелила.

Царь воцарил молчание. Затем хитро прищурился:

— А где был ты? И что в этом «где» делал?

Сумаар съёжился и побледнел:

— Я, это... был в резерве... чтобы в случае необходимости прийти на помощь той или иной группе...

— А чего ж не пришёл?

Начальник разведки зарыдал и упал на колени:

— Не успел я, государь! Всё содеялось слишком быстро!

На лицо царя опустилась тень думы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.